

Соломон Михоэлс

Перец Маркиш

Аркадий Штейнберг

«Михоэлсу - неугасимый светильник»

(Отрывок)

- О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, увидев эти раны.
Сочти их до одной. Я спас от палачей
Детей и матерей ценой моих увечий.
За тех, кто избежал и газа, и печей,
Я жизнью заплатил и мукой человеческой!

.....

Течет людской поток - и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе на траурных поминах.
Тебя почтить встают из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв, замученных, невинных.
Ты тоже их почтил, как жертва, пав за них
На камни минские, на минские сугробы,
Один, среди руин кварталов ледяных,
Среди студеной тьмы и дикой вьюжной злобы.
Шесть миллионов жертв... Но ты и мертвый смог
Стать искуплением их чести, их страданий.
Ты всей Земле швырнул кровавый свой упрек,
Погибнув на снегу, среди промерзших зданий.
Рекой течет печаль. Она скорбит без слов.
К тебе идет народ с последним целованьем.
Шесть миллионов жертв из ям и смрадных рвов
С живыми заодно тебя почтят вставаньем. ...

Перец Маркиш

перевод А. Штейнберга

- Стр. 2 **"Михоэлсу - неугасимый светильник"** Перец Маркиш
- Стр. 5 **Обращение к читателям**
Людмила Барановская, Главный редактор,
Автор проекта «Судьбы Холокоста»
- Стр.6-9 **Необыкновенный побег.
Ежи и Циля**
- Стр. 10-11 **Подвиг-это поступок,
ценой в жизнь.** Жульен - Гиль Кремер
- Стр. 12-13 **Еще раз о Варшавском Гетто**
(По следам публикации Александры Свиридовой)
Т. Ефимова
- Стр. 14-16 **Ефим Гримберг-узник
Доманевского ада**
По материалам газеты «Сегодня»
- Стр.17 **Михаил Розенберг из местечка
Сокиряны** Подготовлено Л. Барановской
- Стр. 18 **Спасение** З. Долгополова
- Стр. 19 **Горящая синагога** Э.К.
- Стр. 20-21 **Не забудем**
- Стр. 22-23 **Еще раз о бабьем яре.** Т. Артамонова.
- Стр. 24-25 **Белорусская роща в Израиле**
Шекин Малка и Владимир
- Стр. 26-31 **Если я исчезну**
Рассказ о художнике, отобразившем в своих картинах
Холокост. Краткий обзор жизни творчества и художника
подготовила Т. Сологуб

- Стр. 32-33 **Чтобы помнили**
- Стр.34 **Выход из пата**
Рассказ и письмо Л. Б. Блюмкина представила читателю Людмила Барановская
- Стр. 35 **Рассказ короткий, как жизнь...**
N. N.
- Стр. 36-40 **И пыль клубами всходит над дорогой** Макс Койфман
- Стр. 41 **Розыск людей, связь с которыми прервана**
- Стр. 42 **Бингхем ЧЕТВЕРТЫЙ**
- Стр.43 **Три недели дышала земля**
- ОБОЖЖЕННЫЕ Холокостом**
ИДА СЕГАЛЬ
- Стр.44 **ШАХТА "ВАЛЯВКА"** Дора Херсонская.
- Стр. 44 **Верьте тем кто обещает вас убить** Алиса Ягубец (Москва Вуз USM (МГУ))
- Стр. 45 **ВАГОН- ПАМЯТНИК**
Людмила Барановская
- Стр. 46 **Завтра не наступит никогда**
- Женщина, продлевающая жизнь**
Зинаида Плетнева
- Стр. 47 **А если бы повиновались?**
История Шифры Зиф.

Уважаемый читатель!

Перед вами очередной номер журнала «Судьбы холокоста». Постоянные наши друзья, гости журнала в своих письмах и телефонных звонках в редакцию уже с одобрением отметили, что появились новые рубрики, такие, как: «Холокост в искусстве», где мы рассказываем о художниках, поэтах, писателях, музыкантах, артистах, отразивших страшные события Катастрофы в своем творчестве. Публикуем их произведения.

«Поиск». В котором мы помещаем объявления с именами потерянных друзей и родственников, которых ищут наши читатели.

Наш «молодой» международный трибун «Судьбы Холокоста» набирается опыта. Мы хотим, чтобы каждое издание было неповторимо интересным. Опыт – это бесценный дар жизни. Один юморист пошутил на этот счет:

Опыт - это то, что получаешь, не получив того, что хотел.

Как в любой шутке, в этой – есть большая доля правды.

Нам хотелось бы, чтобы журнал выходил большим тиражом, мы хотели бы хоть частичной финансовой поддержки нашему изданию со стороны общественности и правительства страны.

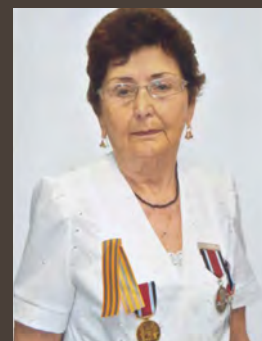
Таким образом, прямо-таки дословно по этой саркастической шутке мы получаем опыт того, что ничего не получаем. Помощи как не было, так и нет. Значит, одна надежда на вас, наши постоянные читатели и те, кто впервые, возможно даже случайно, открыл и прочел страницы журнала. Я имею в виду, конечно же, прежде всего, вашу духовную поддержку и самое главное, надежду на то, что вы не останетесь в стороне просто пассивными чтецами, а вольетесь в нашу работу. Слушайте людей, спрашивайте их, записывайте истории их жизни, пишите нам или просто рассказывайте все, что узнали от тех, кто еще помнит, кто может рассказать о том, что произошло. Но и это еще не все. Мы уверены, что проблема Холокоста еще не раскрыта глубоко и всесторонне. И до тех пор, пока анализ того, что произошло с нашим народом, не будет произведен до самых глубоких корней этого человеконенавистнического злодейства, не исчезнет угроза его повторения. Мы предлагаем вам ответить на вопросы, которые еще по-настоящему не получили своего однозначного ответа. Вопросы, над которыми бьются многие ученые, политологи, историки. Не боги горшки обжигают. Они – бьются, пишут противоречивые статьи и книги, снимают фильмы... А воз и ныне там. Что думаете вы по этому поводу? Возможно, в ваших ответах и кроется истина. Вот пока несколько вопросов и тем, на которые мы надеемся получить от вас ответы. Какими бы парадоксальными они не показались на первый взгляд, - мы опубликуем их. Пусть читают. Пусть знают, что думают об этих проблемах люди.

1. В чем, по - вашему, главная причина возникновения Холокоста?
2. Каковы главные причины отрицания Холокоста?
3. Что в настоящее время провоцирует рост антисемитизма?

Просьба! Не забудьте написать ваше имя и (если хотите) фамилию или псевдоним, а также № телефона (с кодом страны) и, (если есть), – электронный адрес. В крайнем случае – домашний адрес. Наши координаты вы найдете сбоку этой страницы.

Удачи вам. Ждем писем и звонков.

Людмила Барановская

**Автор проекта
Людмила Барановская**

«Судьбы Холокоста»

054-5289092

ludmila_b25@mail.ru

.....

Генеральный спонсор проекта

- компания A.A.Z Ltd.

газета «Сегодня»

**Исполнительный редактор
Тамара Сологуб – Кримонт**

**Корректор
Тамара Артамонова**

Студия дизайна **DESIGN**

.....

**На обложке фото: Ицхак Кремер
(с разрешения семьи Кремер)**

Ежи Белецкий

Этот разговор возник стихийно в одном из клубов любителей поэзии на берегу Средиземного моря в Израиле. Говорили о Холокосте. Читали пронзительные стихи, пели песни военного времени, вспоминали своих, сгинувших в гетто от голода, от болезней, от издевательств охраны, сожженных в печах концлагерей, бесследно исчезнувших, расстрелянных, задушенных в газовых камерах. Оказалось, что нет среди пришедших ни одного, семьи которого не коснулась эта трагедия. Дедушки, бабушки, мамы, папы, братья, сестры, дяди, тети, дети. Талантливые, красивые, счастливые, несчастные, богатые, бедные, убогие, здоровые, больные — всякие. ШЕСТЬ... (или больше?) миллионов... И вдруг кто-то с горечью сказал... Тихо, но так неожиданно, с такой болью, и так «не в дугу», что все сразу притихли. Тяжёлая тревожная пауза повисла, как петля. И длилась неправдоподобно долго:

— Но вот, что непонятно, дико, обидно и горько: что ж мы, евреи, как стадо послушных баранов, шли в печи, в «душилки», шли колоннами к расстрельным ямам, умирали за проволоками в гетто... Почему? Шесть миллионов! Это же миллионы! Миллионы!

Потом пауза взорвалась. Говорили и все сразу, и по одиночке. Соглашались, возражали, спорили, приводили примеры восстаний, побегов, смертельных подвигов... И тогда редакция журнала «Судьбы Холокоста» открыла новую рубрику: «МЫ БОРОЛИСЬ» В нашем журнале уже были представлены документальные рассказы о мальчике Мотеле, бежавшем от расстрельной ямы и 4 года скитавшемся по оккупированной стране, не только сберегая свою жизнь, но и участвуя в сопротивлении врагу. О матери, молодой женщине Татьяне, прямо на глазах охраны задушившей голыми руками полицая, который хотел изнасиловать ее дочь, выбрав из толпы пленников гетто, таких же обездоленных и незащищенных, как эта женщина и ее дочь. Мы рассказывали о восстаниях в «Варшавском гетто» и в других местах массовых истреблений еврейского народа. Писали о личных примерах сопротивления женщин, мужчин и даже детей, отстаивающих ценой жизни свое право на жизнь. В этом номере мы продолжаем публиковать рассказы о смертельном сопротивлении евреев насилию и зверствам фашизма.

История, присланная ВЛАДИМИРОМ и Малкой **НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОБЕГ. ЕЖИ И ЦИЛЯ**

ЦИЛЯ Цибульская и Ежи Белецкий вышли из ворот Освенцима и, не спеша, удалились в неизвестном направлении.

Ежи стал одним из тех немногих, кому удалось бежать из Освенцима, единственным, кто сделал это открыто, через дверь, и в компании дамы сердца. 21 июня 1944 года заключенный № 243 Ежи Белецкий и заключенная № 29558 Циля. Чем ближе к воротам, тем увереннее он был, что его застрелят. (Из статьи агентства The Associated Press о Ежи и Циле, Примечание: А. А. -это переводчик и отчасти автор статьи)

21-е июня 1944 года. Ежи Белецкий, переодетый офицером СС, среди бела дня ведёт через концлагерь Освенцим свою подружку — еврейку Цилю Цибульскую.

Колени его подгибаются от страха, а он при этом с суровым видом твердо шагает по длинной, посыпанной гравием дорожке к пропускному пункту. Часовой хмуро

смотрит в их фальшивый пропуск, затем долго, кажется, целую вечность пристально изучает обоих — и, наконец, произносит волшебные слова: «Ja, danke» — и выпускает Ежи и Цилю на свободу. Узники Освенцима мрачно шутили, что сбежать оттуда можно только через дымоход. Этой паре удалось проскользнуть в боковую дверь.

Двадцатитрехлетний Ежи Белецкий был поляком, католиком, хорошо владел немецким и пользовался в лагере относительно привилегированным положением. (В статье «Ассошэйтед пресс» не сказано, но все «старики» были на относительно привилегированном положении, а в начале-то срока над ними так еще издевались. Ежи в своих воспоминаниях рассказывает, как в 1940-м заключенных поляков гоняли целыми днями вокруг бараков «упражняться» бегом, прыжками, вприпрыжку, на четвереньках и ползком, как били и заставляли петь бравые песни, как самого Ежи избивали до дыры в щеке — А. А.). Вот этим-то относительно привилегированным положением и воспользовался Ежи, чтобы провернуть дерзкий план спасения своей возлюбленной, обреченной на верную гибель. «Это была большая любовь» — вспоминает восьмидесятидвухлетний Белецкий в беседе у себя дома в небольшом южном городке в 55-ти милях (в 85-ти километрах) от Освенцима (городок Новы Тарг — А. А.). «Мы строили планы, как мы поженимся и будем жить долго и счастливо».

Ежи попал в Освенцим в апреле 1940-го, когда немцы по ошибке арестовали его как участника сопротивления. (На самом деле он просто хотел сбежать на юг в Венгрию, и его поймали на границе — А. А.). Ему присвоили номер 243 и отправили работать на склад, где можно было иногда подкормиться. (Не совсем так. Сперва они целыми днями «упражнялись», потом рыли канавы на строительстве дороги, потом Ежи работал механиком, где свел знакомство с немцем и в сентябре 43-го по благу был определен на зернохранилище — А. А.). Через два года в Освенцим начали привозить евреев целыми поездами. Большинство их тут же отводили в газовые камеры Биркенау, и только малую толику оставляли работать в ужасных условиях — возможность отсрочить смерть. В сентябре 1943-го Белецкого распределили на зернохранилище. Другой заключенный как раз показывал ему будущее

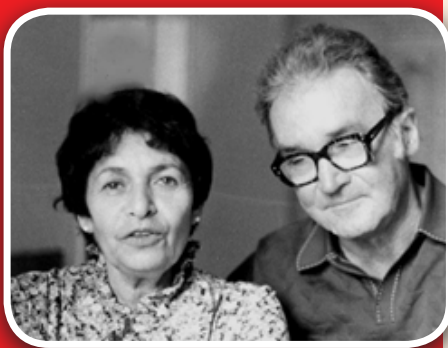
место его работы, как вдруг дверь распахнулась и вошла группа девушек. «Мне показалось, что одна из них, хорошенькая и темноволосая, мне подмигнула», — улыбаясь, вспоминает об этом Ежи. Это была Циля — ее только что распределили сюда же зашивать рваные мешки. Так зернохранилище стало местом их частых коротких свиданий, они подружились, а затем и полюбили друг друга. В своих воспоминаниях, составленных в 1983-м году для мемориала в Освенциме, Циля Цибульская пишет, что во время этих свиданий они рассказали друг другу о себе всё, и что «каждая встреча была для нас настоящим событием». Цилю Цибульскую, ее родителей, двух братьев и младшую сестру привезли в Освенцим из гетто в Ломже, что на севере Польши, в январе 1943 года. Родителей и сестренку сразу же отправили в газовую камеру, а Цилю и братьев признали годными к работе. Уже к сентябрю двадцатидвухлетняя Циля Цибульская, лагерный номер 29558 на левом предплечье, осталась совсем одна. Любовь цвела (В статье прямо так и написано, я не виновата — А. А.), и Ежи принялся разрабатывать дерзкий план побега. (Он был на всю голову влюблен, конечно. Потому что самому ему бежать было ни к чему, он и так хорошо устроился, дотянул бы до конца войны — как пить дать. Марш смерти он вряд ли мог предвидеть, но, думаю, что и это бы выдержал. Циля — другое дело, сколько еще она протянет в Освенциме? Да и в любом случае, если ваша возлюбленная — узница концлагеря, если вас это устраивает, чего тогда стоит ваша любовь? — А. А.).

Приятель-поляк, работавший на складе униформы, добыл для Ежи полный комплект эсэсовской формы и пропуск на имя роттенфюрера Гельмута Штехлера. (В Освенциме говорили «организовал», приятеля звали Тадеуш Сроги, и заняло это у него несколько недель, а до того он еще несколько недель не мог решиться. Кроме того, пропуска были разного цвета, цвет менялся каждые несколько дней, поэтому Ежи напечатал себе в местной типографии разноцветных фальшивок в нескольких экземплярах (!). За свой немецкий Ежи не боялся, он хорошо говорил, а разные акценты там были у многих эсэсовцев, и он всегда мог сойти за фольксдойче — А. А.). При помощи ластика и карандаша Ежи изменил в пропуске фамилию «Штехлер» на «Штейнер» на случай, если часовой знаком с настоящим Штехлером, и запол-

ЦИЛЯ Цибульская

Циля и Юра, встреча в Польше в 1983 году

нил пропуск, вписав в него, что из лагеря выводится заключенная для полицейского допроса на соседней станции (в Буды — А. А.). Кроме того он достал немного еды, бритву для себя и ботинки и свитер для Циля. Он кратко изложил ей свой план: «Завтра за тобой придет эсэсовец и заберет на допрос. Этим эсэсовцем буду я». На следующий день после полудня одетый в украденную униформу Ежи явился в помещение прачечной, куда перевели на работу Цилю (по другому источнику — в пошивочный цех — А. А.). Обливаясь холодным потом, он потребовал у немецкого надзирателя выдать ему заключенную (их было двое — капо и эсэсовка, Ежи сказал им, что он из гестапо, дал им бумажку с номером заключенной, и ему привели Цилю. До вечерней поверки оставалось четыре часа — А. А.). Он вывел ее из барака на длинную дорожку, ведущую к боковым воротам, охранявшимся сонным эсэсовцем («Heil Hitler! Oberscharführer! Eins, eins nach Budy und zurück» — А. А.) — и на свободу.

Первые шаги на свободе

Первые шаги на свободе, страх быть застреленным еще не отпустил: «У меня болел позвоночник, я спиной чувал — вот-вот будет выстрел». Но когда он, наконец, оглянулся, часовой был по-прежнему в будке. Они перешли дорогу, до темноты укрылись подалее в полях в густом кустарнике, и вечером пустились в путь.

«Идти через поля и леса было очень тяжело, я вообще не привыкла так много и быстро ходить», — вспоминает Циля в отчете для музея Освенцима, ее цитирует Ежи Белецкий в книге своих воспоминаний «Кто спасет одну жизнь...». «Вдали от каких-либо поселений приходилось пересекать реки вброд, — пишет она. — Когда было глубоко... Юрик переносил меня на руках». Был момент, когда она больше не могла идти и попросила его оставить ее. «Юрик не слушал и только повторял: «Мы бежали вместе и вместе пойдем дальше» — пишет она, называя Ежи уменьшительно по-польски (Тут всё совсем просто: Ежи, он же Егор, он же Юра. Но Юрик и Юрочка, как она его называла — ведь по-русски? Один раз они постучались в чей-то дом, женский голос за дверью спросил по-немецки: «Herman bist du da?» — и они пустились прочь со всех ног. Другой раз посреди ночи они наткнулись на немецкий патруль. Эсэсовская форма не слиш-

ком помогла — немцы заподозрили неладное, но Ежи с Цилей опять удалось бежать. На седьмой день Ежи решил еще раз попытать удачи, подошел в поле к фермеру и обратился к нему с просьбой: «Господин, помогите мне... я прячусь тут у вас в овсе... я поляк и добрый христианин, бежал из лагеря под Вроцлавом, пробираюсь в Краков. Помогите мне, господин, пожалуйста...». Мужик был сперва слегка огорошен, но потом велел Ежи сидеть тихо до вечера и в темноте подойти к его дому. Как-то слишком легко всё это показалось, но через несколько часов Ежи решил, что если бы мужик донес на них в полицию, их бы уже всюду тут искали. Наконец, поздно вечером он решился подойти к дому фермера. Оказалось, что там для него был приготовлен ужин, и Ежи, быстро войдя в доверие к хозяевам, спросил, нельзя ли ему привести в их дом «сестру», ожидавшую в поле. Поели, отдохнули — и продолжили путь — А. А.).

Девять ночей они шли под покровом темноты, пока не добрались до дома дяди Ежи Белецкого в деревне под Краковом (его имя — Ян Маруса — А. А.). В том же доме проживала и мать Ежи, и она была вне себя от радости, увидев сына живым, пусть и изможденным после четырех лет в Освенциме. Набожная католичка, она, однако, была категорически против его женитьбы на еврейке: «Как вы будете жить? Как будете воспитывать детей?»

Цилю спрятали от нацистов на соседней ферме (старого фермера звали Черник — А. А.), а Ежи ушел в укрытие в Кракове. Они посчитали, что так у них больше шансов остаться на свободе, но это решение оказалось роковым. (Сперва они жили у Яна Марусы, потом у другого дяди Ежи, которого звали Леон Банасяк, потом поползли слухи, и Банасяк предупредил Ежи: «Птички всюду поют, что вы сбежали из Освенцима, и что Циля — еврейка» — и тогда пара согласилась на время расстаться — А. А.). Свою последнюю ночь они провели в саду под грушевым деревом, прощаясь и обещая друг другу встретиться сразу же после войны.

В январе 1945-го, когда советская армия прокатилась сквозь Краков, Ежи Белецкий покинул укрытие и 25 миль (40 километров) шел пешком по заснеженным дорогам на ферму к Циля.

Он опоздал на четыре дня

Циля, не зная, что местность, где она пряталась, освободили на три недели раньше Кракова, отчаялась ждать. Она решила, что «Юрочка» то ли погиб, то ли забыл о ней. («Бедняжка, она так ждала, каждый день бегала на вершину холма, всё высматривала тебя.» — А. А.). Она села в поезд, идущий в Варшаву, надеясь отыскать там адрес своего американского дяди. В поезде она познакомилась с Давидом Захаровицем, за которого позже вышла замуж. Они отправились в Швецию, а оттуда в Нью-Йорк, где с помощью цилиного дядюшки открыли ювелирное дело. Давид Захаровиц умер в 1975 году.

Ежи Белецкий тоже завел семью и стал директором училища автомехаников. Он ничего не знал о Циле и понятия не имел, где ее искать. (в книге иерусалимского историка Катастрофы Мордехая Палдиэля «Праведники Мира» говорится, что Ежи получил письмо от родных с извещением о том, что Циля умерла в больнице в Стокгольме, а Циля в Стокгольме получила письмо из Польши о том, что Ежи сражался в партизанском отряде и не вернулся из боя. Оба письма отправила добрая тетя Черник — А. А.).

«Юрочка, это я, твоя Циля...»

В своих воспоминаниях Циля говорит о том, как все эти годы ее преследовало желание вернуться в Польшу, в родной город, и найти Юрика, если он жив. И по чистой случайности ее желание исполнилось. (Дальше в тексте «Ассошиэйтед пресс» ошибка, поэтому я лучше расскажу своими словами. В 1982-м году горничная-полячка рассказала Циле, что видела по польскому ТВ передачу о побеге из Освенцима, и что герой передачи — жив здоров, и что девушку, вместе с которой он бежал, звали Циля Цибульская — А. А.). Циля выяснила номер его телефона, и в одно прекрасное майское утро 1983-го года в квартире Белецких раздался звонок. «Я услышал не то смех, не то плач, и женский голос произнес: «Юрочка, это я, твоя Циля»...

Спустя несколько недель они встретились в краковском аэропорту. Ежи принес 39 красных роз — по одной за каждый год, проведенный в разлуке. Она еще не раз приезжала к нему в Польшу, вместе они посетили мемориал в Освенциме, семью фермера, спрятавшего Цилю, и другие

Ежи Белецкий:
«Осталась только память...»

памятные им места. «Любовь вернулась. Циля твердила: оставь жену, уедем вместе в Америку. Она много плакала, когда я ответил: «Смотри, у меня такие славные дети, у меня сын — разве я могу с ними так поступить?»

Она вернулась в Америку и написала ему: «Юрик, я не приеду больше». Они больше никогда не виделись, и она не отвечала на его письма. Циля Цибульская умерла в Нью-Йорке в 2002-м году. Ежи Белецкий умер 20 октября 2011 года, ему было 90 лет.

В 1985-м году институт «Яд ва-Шем» в Иерусалиме присвоил Ежи Белецкому звание Праведника народов мира за спасение Цили Цибульской. Отчет о побеге и последующих событиях, хранящийся в «Яд ва-Шем», совпадает с рассказом Ежи Белецкого в беседе с корреспондентом The Associated Press. «Я очень, очень любил Цилю. После войны я иногда плакал от того, что ее нет со мной. Она снилась мне по ночам, и я просыпался в слезах. Судьба решила за нас, но я всё совершил бы снова».

Источники:

Статья The Associated Press: <<http://www.cbsnews.com/stories/2010/07/20/world/main6695334.shtml>> Mordecai Paldiel, «The Righteous Among the Nations: Rescuers of Jews During the Holocaust», ISBN: 9780061151125 Jerzy Bielecki, «Kto ratuje jedno życie: pamiętnik z Oświęcimia» (этой книги у меня нет, я читала отрывки в переводе на английский — А. А.). Анастасия Альпер, Брант-Рок, Массачусеттс

ПОДВИГ - ЭТО ПОСТУПОК, ЦЕНОЙ В ЖИЗНЬ

История о врачебном подвиге

Меня сейчас зовут Юра. А некоторым нравится больше - Гиль. Я откликаюсь на оба имени. А когда я родился в Льеже (Бельгия) в 1933 году, мне дали мое первое имя - Жюльен. Я уже писал однажды об истории любви моих папы Ицхака Кремера и мамы Леи Зельцман. И о том, что родители моего папы жили довольно зажиточно, а мама моя была - из бедной семьи. Поэтому Кремеры (особенно бабушка Тони) были против брака сына с Леей. Чтобы прервать их любовь, которая началась еще с детской дружбы, Кремеры отправили сына учиться в Бельгию. Писал я уже и о том, что это не помогло, мама приехала к папе в Льеж, они поженились и родился я, дитя любви. Читателям журнала «Судьбы Холокоста» уже известна дальнейшая судьба нашей семьи. Поэтому я не стану подробно описывать, как Ицхак Кремер с отличием завершил учебу в Льежском университете, получил диплом врача с самыми лестными рекомендациями и назначением на престижную должность, как его приняли с радостью и уважением, пока не увидели паспорт и не поняли, что он - еврей. Цинично, нисколько не скрывая истинной причины, его попросили уехать в свой город Черновцы. Этот город тогда еще входил в состав Румынии. Ицхаку пришлось пересдавать все экзамены на румынском языке. Кроме того, он обязан был отслужить положенный срок в румынской армии в качестве врача. А потом началась ВОВ. В нашем местечке, где она нас застала, каждый день проходили расстрелы евреев, бесконечные погромы. Оставшихся в живых отконвоировали в Черновцы. Так мы попали в гетто. А затем в товарных вагонах для скота нас отправили в Танснистрию, в лагерь в селе Мурафа. Я не стану рассказывать и о том, как сожгли на берегу Днестра наши вещи и документы. Отец тогда сказал: «Теперь я - никто».

Вот тут я и хочу рассказать, зачем, собственно я снова все это вспомнил, зачем я вернулся к тем годам... Мне не раз пришлось слышать этот горький упрек современников, родившихся и выросших уже после войны: мол, евреи безропотно шли на смерть, не сопротивлялись. Не стану возражать и оправдывать беспомощность людей, шедших на смерть под автоматами, направленными на них. Не стану напоминать, что защитники их, этих женщин, детей, старух, стариков, больных людей, те самые их мужчины, их опора, главы семей, те, кто мог бы восстать, закрыть собой, эти - взрослые, здоровые отцы, мужья, сыновья - воевали на фронтах. А те, кто волей судьбы и обстоятельств попадали в эту адскую мясорубку под названием фашизм - сопротивлялись, насколько хватало их сил и жизней. Для меня судьба моего отца - главное свидетельство этого. Мне было восемь лет. Еще только восемь - возраст, когда счастье просто необходимо ребенку. Именно тогда просыпается в нем сознательное ощущение жизни. И именно тогда судьба принялась приучать меня к мысли, что на свете существует голод, болезни, унижения, зло, издевательства, и, что самое непонятное и неприемлемое для детской души - Смерть. Но

Жюльен Кремер в детстве

Ицхак Кремер.

рядом был папа, мой любимый, мой самый умный, самый красивый, самый добрый. Он одним своим присутствием рядом с нами скрасил мое непроглядное детство. И он знал, видел это. Было одно мгновение, когда он, мудро предчувствуя, зная наверняка, что лучше не будет, наоборот станет с каждым днем все хуже, зная, что издевательства, унижения, побоев и в конце концов мучительной смерти не избежать, решил воспользоваться для себя и любимой жены Леи заранее заготовленным средством: принял таблетку - и все закончилось: Смерть. Он уже достал из тайной коробочки яд. Я уловил его взгляд, и, конечно же, ничего не понял. Но именно то, что я смотрел на него, видимо, стало причиной его отказа от задуманного. Скорее всего, он понял, что легкого пути для него в этой жизни нет. Следует жить, и быть рядом со своим ребенком. И не только с ним. Оказалось, что, несмотря на его «теперь я - никто», он оставался не только отцом и мужем любимой женщины, но и врачом. Тем более, что он оказался единственным врачом в лагере. И хотя у него не было ни лекарств, ни инструмента, он делал все, чтобы облегчить состояние больного. Из тряпья резались бинты, выскивались травы, делались отвары, примочки, даже мази. Больные верили ему. В той обстановке положительный настрой больного часто был важнее медикамента. Больные говорили: «Если доктор Кремер просто посидит со мной, мне уже станет легче».

Деньги в лагере не «ходили» Кто мог, платил едой. Ицхак не отказывал никому. Когда началась эпидемия сыпного тифа, Доктор Кремер не перестал посещать больных. Хотя визиты его были бессильны.

Вы скажете - это не подвиг? Вы скажете, это не сопротивление? Да, он не устраивал восстаний, не помышлял о вооруженном сопротивлении. Но то, что он, не смотря ни на что, не оставлял людей без хотя бы какого-то мало-мальски врачебного присутствия - это и было его сопротивление бездушию, зверству фашизма. По простым человеческим нормам обыкновенного чувства самосохранения он имел право прекратить общение с тифозными больными. Но достоинство врача он сознательно противопоставил трусливой осторожности палачей, которые не переходили за линию тифозной вспышки даже для того, чтобы добить автоматной очередью заболевшего. А Кремер бросил вызов всей этой обезчелоченной своре фашистской нечисти. Он продолжал свой подвиг человека и врача. Профессионал высокого класса, он хорошо знал, что его посещения зачумленных барачников не могут закончиться благополучно. Но его человеческое достоинство позволило ему сделать выбор между неминуемой смертью на краю рва от расстрела или в газовой камере и честного исполнения своего профессионального долга еврейского врача. Это была единственно доступная ему форма протеста, форма непокорности злу, форма противостояния и борьбы.

В записной книжке Доктор Кремер с присущей ему аккуратностью врача записал дату, когда его укусила вошь. И предупредил, что если она заражена, что наиболее вероятно, то через 21 день он заболеет. Так и случилось. Я видел все его последние дни, когда он болел, его страшные муки. Тогда я не понимал его поступка. Я же слышал, как говорили, что он мог избежать такой смерти. Лишь многим позже я понял, что именно это и был его подвиг. Потому что подвиг - это и есть поступок, цена которому - жизнь.

Жульен - Гиль Кремер. Петех - Тиква.

Гиль-Юра Кремер
в настоящее время.

ЕЩЕ РАЗ О ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

(По следам публикации Александры Свиридовой)

*«Музыка играла,
когда нас убивали»*

Эти две участницы Сопротивления в Варшавском гетто спрятали под одеждой ручные гранаты. В последний момент они вытащили их и бросили в толпу немецких солдат ...

В 1993 году в Нью-Йорке впервые демонстрировался фильм Иоланты Дулевска «Хроника восстания Варшавского гетто». В полном названии фильма добавлены еще три слова: «...глазами Марека Эдельмана». Фильм основан на двух документальных свидетельствах: кинохронике немецких съемок и показаниях живого очевидца М. Эдельмана. Вот, что пишет о Мареке журналистка Александра Свиридова:

« Он родился в 20 -х годах в Польше. В годы войны работал в госпитале. Помог избежать депортации в лагеря смерти сотням людей. Во время подготовки восстания Варшавского гетто был одним из заместителей командира Мордехая Анилевича». Благодаря фильму Иоланты зрители получили возможность стать свидетелями этих событий от самого начала, увидеть все не только глазами, но и прочувствовать это сердцами. Вот 40-ой год. Евреи переселяются в гетто. Несут вещи, необходимые в быту, свой скарб, посуду, одежду, шкафчики, даже кровати, постель... Вот дети идут строем, несут на головах стулья, перевернутые вверх ножками.

«Собираются жить», - пишет об этом Александра Свиридова. Но проходит совсем немного времени, и уже вступает в права слово «НЕЛЬЗЯ». Приказ немецкого коменданта. Евреям нельзя ходить там-то и там-то, нельзя ездить в трамваях,

нельзя - в автобусах,

нельзя сидеть на скамейках в городском саду.

А вот еще приказ на афишных тумбах: нашить на одежду желтые звезды.

А потом страшное: собраться на площади... За этим последует только одно: **евреям нельзя жить**. Я вижу эту ночь 19 апреля 1943 года. Ночь Песаха в Варшаве.

Нет, не как в Египте... Ангел смерти не проходит мимо жилищ евреев.

Утро. Солнце. Машины. Немецкие солдаты с автоматами окружили гетто. Стоят у ворот. И вот ворота открылись, солдат встретил град пуль и гранат. Это - стрелки отрядов сопротивления. Это было начало восстания. Немцы отступили.

Они , конечно, вернулись... Через три часа. И опять натолкнулись на непреодолимое сопротивление. Месяц шли бои...

Александра представила людям большое интервью с М. Эдельманом. Я не ставлю своей целью пересказывать его или комментировать. Если успела заинтересовать читателя, смело отсылаю его в интернет. Получите удовольствие: умно, красиво, высокопрофессионально. Хочу лишь слегка коснуться нескольких моментов, особенно впечатливших меня.

Эдельман уверен, что восстание Варшавского гетто - это героическая трагедия не только евреев. Она - общечеловеческая: «Когда нас убивали, играла музыка». Музыка - сразу же за стенами гетто. Рядом, в парке, гуляли, отдыхали, танцевали, вертелись на каруселях...

Хочу с гордостью отметить, что наш журнал «Судьбы холокоста» однозначно во весь голос уже поднимал эту тему, говорил об этой проблеме. К примеру, она прозвучала в документальном рассказе «Кафе» (автор Тамара Сологуб.) Вот отрывок (стихотворный) из этого рассказа:

*В центре города - Зексенхаус,
В центре города - смерти хаос,
Проволокой огорожен?
Бетонной оградой?
Тайной, фрау? А может,
просто прятать глаза не надо?
Этот город был страшно болен
Был в беспамятстве, был безволен,
Он на карте военной горячки
Стыл в инфаркте немой и незрячий.
Сердце города ныло во власти
«Скорой помощи» с черной свастики.
Это сердце травили, терзали
Это сердце душили, сжигали,
А вы не знали?
Экспериментировали «санитары»,
А вы - молчали...»*

«Холокост оставил след во всем мире, - сказал в своем интервью Марек, - если можно безнаказанно убить 6 миллионов людей, то человеческая жизнь теряет всякую ценность»...

Все знали об этих убийствах, знали и видели, но ничего не делали. «Англичане говорили, что до Освенцима им слишком далеко лететь, Америка заявила, что, когда война закончится, евреев больше не будут убивать. О том, что вообще больше никто никого не будет убивать, речи не было. В те дни все отвернулись от нас. И это было поощрением убийц...»

В большом интервью, которое Александра и оператор Ромин, талантливый мастер своего дела, совместили со съемкой, полновесны, важны и интересны все вопросы и ответы. Я касаюсь только тех моментов, которые особенно запали в душу:

«Антисемитизм, - отвечает Эдельман, - это потребность иметь врага... Вражда - это то, в чём очень легко принять участие. Любить - сложнее»

Я читаю рассказ Свиридовой. С чем-то согласна, с чем-то нет. Во всем этом каждому нашему читателю придется разобраться самому. Цель моя - не в пересказе немоей публикации. Я ведь обратила внимание читающего только на восстание в гетто в Варшаве. О нем слагают легенды. И мифы. А в меня жестокой правдой жизни впечатались заключительные слова статьи Свиридовой: «...музыка - она и сейчас звучит, когда я дописываю этот текст. И в этот самый момент в другом уголке земного шара другие люди убивают других людей».

Она попала - в самую суть. Вот и я, живя в Израиле, каждое утро, зная, что мои дети и внуки и все мои близкие сейчас не дома, с тревогой думаю о них и молюсь с надеждой.

Т. Ефимова.

Мордехай Анилевич, командир
Еврейской Боевой Организации

Живой очевидец Марк
Эдельман

Ефим Гримберг – узник Доманевского ада

Ефим и Фаня

Многим иерусалимцам, бывшим узникам гетто и концлагерей, как и руководству Всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» этот человек хорошо знаком. Не по годам активный, Ефим сумел объединить вокруг себя практически всех русскоязычных пожилых людей, прошедших через все ужасы и испытания на оккупированных фашистами территориях бывшего СССР в годы Второй мировой войны.

То, что произошло в детском возрасте с Ефимом, трудно укладывается в сознание и рассказывать об этом ему очень тяжело и сейчас.

Когда началась война, их семья проживала в г. Первомайске Одесской области. Ефиму тогда было 6 лет. Отца забрали на фронт, а дедушка и бабушка со стороны отца с двумя дочерьми, мама Ефима, он и две его сестры не успели эвакуироваться. В первых числах августа 1941 года в город ворвались немецкие оккупанты. Дедушку и бабушку немцы расстреляли в первые же дни. В конце августа 1941 года власть в городе перешла под контроль румынских войск. В декабре румыны согнали к вокзалу всех евреев города и посадили в товарные вагоны. Не доезжая до местечка Кривое озеро, состав остановили, т.к. началась перестрелка. С чем она была связана, Ефим не знает. Эшелон был разбит, многие евреи в поезде убиты. Уцелевших построили и погнали в неизвестном направлении. Стояли сильные морозы. В тот день многие погибли по дороге, люди от усталости и холода падали, полицаи их добивали. Многие, еще живые, замерзали, оставшись на снегу. Мать Ефима выгнали из дома в одних туфлях с грудным ребенком на руках (младшей сестре Ефима было 7-8 месяцев, возможно даже меньше). По дороге, уже в Кривом озере, мать сумела выбежать из гонимой толпы и положить свою грудную дочь в ясли (кормушка для коров), при этом коровы в это время там не было. Мать надеялась, что дитя подберут из ясель, и оно выживет. Но потом рассказывали, что хозяйка привела корову, корова стала мычать, обнаружив лежащего ребенка в яслях. Хозяйка взяла ребенка, но он был уже мер-

твым. Так они остались втроем – мама, Ефим и старшая его сестра Фаня, в возрасте 9 лет. Голодных, замерзших, обмороженных людей пригнали в Кривом озере в каменный подвал здания из гранита. В подвале набилось огромное количество людей, так что ни лежать, ни сидеть, было невозможно. Мать Ефима обморозила голени по дороге в Кривое озеро, и началась гангрена. Ефим с Фаней мочили в своей моче тряпки и прикладывали к ногам матери. В подвале они были несколько дней, затем вечером одного дня их вывели из подвала и построили спиной к реке. Готовились расстреливать из пулеметов. Мать это поняла и шепнула ему и Фане: «Бегите, может вы спасетесь». И здесь началась стрельба. Ефим побежал, увидел соломенную скирду и зарылся в нее. Когда стрельба закончилась, кто-то из полицаяев залез на скирду и штыком от винтовки тыкал в солому. Но штык прошел мимо него, и Ефим остался невредимым. Украинцы, жители местечка, которых согнали для присутствия при расстреле, видели, что в скирде кто-то спрятался. И один парень, когда закончилась стрельба, и все разошлись, подполз к скирде и дал Ефиму кусок маляя (кукурузная лепёшка), и обещал его забрать, когда стемнеет. Через некоторое время он пришел за ним и привёл его к одной женщине, попросив, чтобы она его спрятала. Но женщина не хотела прятать Ефима, она боялась. Парень пообещал ей, что через день заберёт Ефима и перепрячет его, и тогда женщина согласилась. Она покормила Ефима, и он ей всё рассказал о себе. После она ему постелила, и он уснул. Проснулся Ефим от сильного стука, и за то время, что женщина ходила открывать калитку, он успел залезть на печь, и там, на печи спрятался за дымоходом. Зашли полицаи и немцы, осмотрели дом, заглянули на печь, но его там они не обнаружили. В тот же день опять ходили по домам полицаи и искали тех, кто сбежал от расстрела. Затем собрали жителей деревни и у них на глазах заставили пойманных евреев раздеться и утопили их в проруби на реке. Так погибла старшая сестра Фаня. Оказывается, она тоже смогла убежать от расстрела,

но ее кто-то выдал. На второй день после расстрела, не дождавшись того, кто должен был прийти и забрать Ефима, женщина, у которой он прятался, опасаясь что, если его обнаружат у нее, то расстреляют за укрывательство еврея, сдала его румынам. Их машина как раз направлялась в гетто Доманёвка, и туда был доставлен Ефим. Доманевка, как много позднее узнал Ефим, была одним из крупных лагерей смерти, наряду с расположенными вблизи такими же лагерями смерти - Богдановкой, Акмечеткой и Березовкой. Эти населенные пункты вблизи Первомайска получили название «королевства смерти». В Доманевке за годы оккупации погибли от расстрелов, голода, холода и болезней около 15 тысяч евреев.

Гетто Доманёвка находилось за селом с таким же названием, там были коровники, свинарники, полуразрушенные дома. В один из свинарников поселили Ефима, в загородку для свиней, где он находился вместе с одним стариком. Всё гетто было огорожено колючей проволокой и просматривалось с вышки. Вышку и ограждение строили военнопленные, которых затем расстреляли.

Ужасы, пережитого и виденного им в гетто маленьким ребенком – это горы трупов людей, умерших от болезней, голода, холода. В гетто полиция и румыны грабили каждую семью, будь она живая или мёртвая. В гетто свирепствовали сыпной тиф, дизентерия. Все люди в гетто были завшивлены, и Ефим сейчас полагает, что это было не только из-за грязи и антисанитарии, а из-за возможного завоза вшей немцами и румынами, чтобы спровоцировать эпидемии в гетто. Были периоды, когда Ефим не ел по три-четыре дня и ходил в поисках пищи, убежал из гетто, пробираясь под забором, искал что-то съедобное на заснеженных полях, где росли раньше кукуруза, картошка, свёкла. Если удавалось выкопать что-то из под снега, то все оно было померзшее. Ел он, найденное им, вместе со стариком, и от такой пищи у него при опорожнении желудка вылезала прямая кишка, которую ему приходилось заправлять на место. Он был очень худым, при освобождении (ему уже было 9 лет) его вес составлял где-то 10-12 килограмм – полный дистрофик. Старик, который жил с ним, не дождался освобождения гетто Красной Армией. Умер, как и другие тысячи узников гетто. Все увиденное и пережитое Ефимом в детстве осталось его болью на всю

дальнейшую жизнь. Это загубленное детство, где каждая минута, час, день, сутки, месяцы и годы, проведенные в гетто, возвращаются к его памяти напоминанием о пережитом - голоде, холоде, страхе, расстрелах, виселицах, криках, плаче и стогах умирающих.

Он помнит случай, когда румыны объявили перед наступлением Красной Армии на Одессу, что ворота гетто открыты, т.к. ожидается приход отступающих немцев. Все евреи должны покинуть территорию гетто до вечера. Те, кто мог, покинули гетто, и в том числе знакомая Ефима, у которой было трое маленьких детей и старая мать. А позднее они, как и многие другие не вернулись. Были слышны выстрелы – их всех за Доманёвкой расстреляли. И в гетто никто из ушедших не вернулся.

В гетто Доманёвка Ефим пробыл с декабря 1941 года по март 1944 года. В марте 1944 года в гетто были открыты все выходы, румыны удрали, забирая с собой все, что могли. Уже слышалась артиллерийская канонада. Все ушли из гетто, кто куда смог, а Ефим один остался, никому не нужный, ведь из близких у него никого не осталось. В брошенное гетто пришли селяне, чтобы собрать пожитки, которые оставили узники. Одна женщина, увидев Ефима, и поняв, что у него никого не осталось, взяла его к себе. На следующий день после бегства румын в Доманевку пришли власовцы, потом немцы. Немцы вместе с полицией шныряли по хатам, выискивали и расстреливали евреев, которых находили. Отступающие немцы спали в тяжелых грузовых машинах, крытых брезентом. Потребность в еде вынудила Ефима и еще двух украинских мальчишек совершить попытку украсть что-то из еды у немцев. Дождавшись ночью момента, когда немцы уснули, им удалось стащить из немецкой машины 3-х килограммовую банку плавленого сыра, а в другой раз тубики с вазелином. И даже вазелин был для Ефима пищей. Одного из этих украинских детей он потом уже взрослым встретил в Горловке, в Донбассе.

После освобождения Доманёвки советские власти организовали детдом для сирот в Березках. Сначала здесь было 10-15 детей. Березки находились недалеко от Доманевки, километрах в 10. Колхоз, где

Ефим Гримберг

находился детдом, был разорен, и в нем удалось достать для детдома только муку, из которой детям варили затируху.

Из-за быстрого наступления Советской Армии после освобождения в лесах вблизи детдома осталось много немцев. В эти дни было еще несколько моментов, когда Ефиму грозила смертельная опас-

фессор Филатов взял шефство над большими детьми и при своей клинике создал для детдомовцев трахомотозное отделение. И хотя лечение было очень болезненным, но подорванное в гетто здоровье удалось почти восстановить, что конечно нельзя сказать о духовном состоянии. За время с 1944 по 1952 год Ефим побывал в нескольких детдомах по всей Украине, а также Якушенцах, где находилась детская трудовая воспитательная колония (ДТВК) с более строгим режимом, чем в детдомах. Здесь у Ефима, которому к этому времени исполнилось 14 лет, взяли даже отпечатки пальцев, как у малолетнего преступника. Причина смены детдомов была в зловещих проявлениях антисемитизма даже среди детей, как впрочем, и повсеместно в Украине.

В каждом новом детдоме при мытье в бане обнаруживалось, что Ефим еврей, и его лезли бить. Ведь в детдомах того времени среди сирот были переростки, урки, ворье. Фима дрался и предпочитал бежать из этих детдомов. Опять его ловили, но он не говорил, откуда убежал и попал в итоге в другой детдом. Воспитатели также проявляли антисемитские настроения, что в свою очередь способствовало преследованиям Ефима. И даже из ДТВК он бежал по той же причине - вылез со второго этажа через окно, связав две простыни, и потом добирался всю ночь до ближайшей железнодорожной станции.

Там, в детдомах, он вопреки всему окончил семилетку, затем было ремесленное училище, где Ефим учился на слесаря. Потом был завод в Одессе, армия и комсомольская путевка на работу в Донбасс. Здесь Ефим проработал 42 года, продолжая учиться. Он закончил техникум, получил специальность механика по металлургии. Затем он получил высшее образование по специальности «Оборудование заводов черной металлургии». Соответственно менялся и характер работы - от слесаря к механику, затем мастер и главный инженер управления рабочего снабжения металлургического комбината. В 1957 году Ефим женился, а в 1997 году репатриировался вместе со своей семьей в Израиль. Из 9 человек семьи Ефима в военное время выжил только он один. Сейчас у Ефима своя большая семья - сын и две дочери со своими семьями, семеро внуков и один правнук.

По материалам газеты «Сегодня». Информация и фотографии представлены семьей Ефима Гримберга. Вечная ему память...

Три поколения

ность. Выходя из детдома в поисках еды, он и еще один детдомовский мальчик-цыган наткнулись на немца, от которого спаслись бегством и затем спрятались, т.к. он гнался за ними. Во второй раз 2 немца не тронули его, а только посмеялись над ним, видя, что он не в состоянии выбраться из большой дубовой бочки с остатками повидла, куда залез Ефим в поисках еды.

В Березках был его первый детдомом, где он находился в течение года. Дети были завшивлены, и приходилось прожаривать одежду. Тем не менее, вшей не смогли вывести. Нищета в детдоме была ужасная, на всех детей у выхода из помещения стояли одни галоши, чтобы по нужде можно было выбегать на улицу. Никакого лечения в детдоме также не было. Помимо вшей у Ефима были запущенные, еще приобретенные в гетто, трахома и золотуха.

Два спасшихся брата погибшего деда Ефима забрали его из детдома в Березках и сдали в детдом в Первомайске, где они проживали. С благодарностью Ефим вспоминает о заботе властей, позволившей ему и другим детям излечиться от трахомы и золотухи. Со всех ближайших детских домов уже сразу после окончания войны вывезли детей с трахомой в Одессу и создали там специализированный детский дом для лечения этих детей. Про-

Михаил Розенберг из местечка Сокиряны

Бесарабия. Я родился в местечке в 1924 году. Венгры, украинцы, но больше всех - евреи. Поти все евреи были верующими. Старались соблюдать вековые обычаи и традиции. По субботам и праздникам - синагога. Шабатные свечи. У нас была большая семья. Папа, мама, три брата и сестра. Мама, Изабелла Абрамовна была красивая женщина. Еврейский профиль, тонкие черты лица, красивые, черные, волнистые волосы. Тихая, скромная, она никогда не повышала голоса, воспитывая детей. Отец очень любил маму и детей. Он был настоящим тружеником. У нас была хорошая, дружная семья. Но отец рано умер. Маме тогда было тридцать пять лет. 22 июня 1941 года земля содрогнулась от бомб. На оккупированных фашистами территориях стран сразу же вводился новый порядок, жестокий, не знающий пощады. Все еврейское население нашего местечка было взято на учет. Начались зверские акции по уничтожению евреев.

Первыми жертвами стали старики, женщины и дети. Жизнь замерла. В первый день войны в нашем местечке был страшный бой. Небо - черное.

Потом настал роковой день. Нас подняли рано утром, не дали даже одеться и взять что-нибудь с собой из еды. Фашисты очень торопились. Погнали всех на колхозную площадь. Людей было несколько тысяч. Тех, кто отставал, пристреливали, они оставались лежать на дороге.

Мы шли: мама, я, маленькая сестра, брат Давид, три двоюродные мамыны сестры, (Ривка, Раца и Двойра) и ее брат Беньямин. Мужей мамыных сестер фашисты забрали еще раньше. Мы не знали, куда нас ведут. С обеих сторон был конвой с собаками. И было ясно одно: нет дороги назад, как нет ее ни влево, ни вправо. Прежняя жизнь исчезла в один миг. За время этого страшного долгого пути от всей нашей большой семьи почти никого не осталось в живых.

Чудом уцелели только я, братик и мама. Сестричка Маня по пути заболела и фашисты ее расстреляли. Наконец, нас затолкали в какой-то холодный сарай в селе Баланифка. Начались холода, одежды не было. Не было даже соломы. Воды невозможно было раздобыть. Страшная теснота. Вскоре началась какая-то эпидемия, сплошная завшивленность. Первой не выдержал организм мамы.

Пережитые смерти родных и дочери совершенно обессилили её. Вместе с остальными умершими в сарае ее вывезли на тележке. Мы с братом походили от голода и горя на живых трупов. Даже ходить было тяжело. Но мы решили похоронить маму, как можем. Нашли глубокую яму, где раньше хранили овощи. Долго искали на чем перенести маму из конюшни, где фашисты скидывали трупы, к этой яме. Было тяжело, но мы справились. Теперь мы были спокойны, что похоронили маму, не оставили тело в конюшне на съедение волкам, как прои-

зошло со многими, кого сваливали и оставляли в конюшне за селом. Этого зверства невозможно ни забыть, ни простить.

Как и других, страшных выходок фашистов по отношению к живым людям. Как проклятый осколок в детский мозг врезалось имя одного из палачей: Шлойте дер Ройте - так его звали все. Он имел привычку молотком выбивать изо рта людей золотые зубы.

Шло время. Мы с братом оказались в гетто в городе Балта (Одесская область) Над людьми там издевались просто зверски. За любую провинность хлестали резиновыми плетками, к которым была прикреплена железная проволока. Мы спали в синагоге на голом полу. По утрам нас выгоняли на работу, каждого, кто отставал, били беспощадно. Мы с братом были одни на всем белом свете, без родных, без поддержки, одни на всём проклятом сумасшедшем свете. Опустошённые, оборванные, голодные, совершенно без надежды на лучшее.

Лучшего и не случилось. наоборот произошло самое ужасное: нас разделили. Братика отправили в так называемый «детский дом» для сирот. А я остался работать. За три года, пока нас освободили, часто надсмотрщики наши менялись, кроме фашистов немцев, были еще румыны и итальянцы. Последние - очень редко. Иногда от них мне доставалось что-то из съестного. К тому времени я уже знал, где мой братишка Давид. Все, что мне перепадало относилось ему. Его детдом оказался недалеко от нас. В этом доме было около 190 детей. Они были совершенно отрезаны от мира. Условия, в которых их содержали, были ужасными. Они голодали. Туда постоянно привозили детей.

Наконец решили ребят распределить по семьям. Чтобы мы там работали на хозяев. Мой брат попал к хозяину, у которого так и оставался до конца оккупации. Это произошло в 1944 году. Сразу же, как только меня освободили, я пошёл к тому месту, где мы похоронили маму. Ведь с тех пор мысль о ней не покидала меня ни на один день. Я был совершенно один. Тщетно расспрашивал я всех, кого мог, и там и потом в нашем местечке. Ни одной родной души. Давид все еще работал у того мужчины. Тяжело работал. С утра до ночи. Он скучал по мне. Но надежды он взял - и ушёл.

Навсегда. С трудом добрался до железной дороги, спрятался в паровозе в угольном отсеке и в скором времени добрался до нашего местечка. Мы, наконец, встретились. Был июль 1944 года. До конца войны я еще успел послужить в Армии, воевал в Монголии, направлен был в Маньчжурию, «брал» сопку Хинган, попал в госпиталь в Порт-Артуре, в противотанковой дивизии. Прослужил в Армии до мая 1951 года. С медалью «За отвагу» вернулся в Черновцы.

Женился. В 1972 году с женой и двумя детьми по вызову Давида мы репатрировались в Израиль.

Но это уже другая история

СПАСЕНИЕ

Следующая история поведает читателю о людях, спасенных из пылающего огня Холокоста. Они, словно под дланью Ангелов - Хранителей, переплыли эту огненную реку смерти, остались живы, но страшные шрамы в душе не позволяют им молчать. Они рассказывают о себе и о погибших родных. Быть может, это и есть их назначение в жизни: остаться в живых и все рассказать. Эти истории собрали в своем рукописном сборнике Малка Шекин, Людмила Барановская и иллюстратор Борис Есельсон.

Яков родился в 1926 году в Днепропетровске. В 4 года потерял мать. Умерла она. Отец, Семен Абрамович Яровинский, женился вторично на Марии Залмоновне. Мачеха хорошо относилась к ребенку. Своих детей у нее не было. Яков был - за родного.

В 1941 году Яша уже закончил семилетку. В школе он сидел за партой с одним русским мальчиком, из раскулаченной семьи, дружил с ним, часто бывал у них в доме. Когда началась война, отец Якова ушел на фронт. А Мария с Яковом остались в городе.

25 августа немцы вошли в Днепропетровск, а в сентябре полиция уже обходила еврейские дома выгоняли жильцов на площадь, чтобы загнать их на расстрел.

Яков гостил у друга, когда Марию забрали и увели. Когда Яша возвращался домой, соседский мальчишка предупредил парня, что ему нельзя идти домой, и рассказал о случившемся. Яша вернулся в семью русского друга. Маму друга тоже звали Мария. Она обняла Яшу, заплакала и сказала: «Что будет с нами, то будет и с тобой. Днем мы будем прятать тебя в погребе, а на воздух будешь выходить ночью»

Прошло время. С продовольствием с каждым днем становилось все труднее. Друг Якова вместе с другими мальчишками ходил к Днепру, к полузатонувшим баржам на которых находилось подмокшее зерно. Немцы охраняли баржи. Дети, рискуя жизнью, воровали зерно и приносили домой, где его сушили, толкли и пекли лепешки. Но однажды случилась беда. Ребята попались, немцы их расстреляли и трупы бросили в Днепр. По городу развесили объявления, предупреждающие, что семья, которая прячет коммунистов и евреев, будет расстреляна.

Когда Яков узнал об этом, с ним случилась истерика. Он плакал и говорил, что должен уйти. Был уже октябрь. Начались холода. У Якова была только летняя одежда. Мария надела на него одежду погибшего сына, собрала еду в дорогу и посоветовала идти в толпе вместе с горожанами, которые шли в села обменивать вещи на продукты.

Месяц он ходил из села в село. И, когда, обессиленный, попал в село Преображенское, зашел в «красную» избу, лег в углу и приготовился умирать. В селах «красной» называли избу, в которой решались общественные дела. За этой избой присматривала пожилая одинокая женщина, которая жила рядом. Увидела голодного, оборванного мальчишку, сварила затируху, накормила парня. Пожалела его и поговорила с жителями, мол, погибнет мальчишка, надо помочь. Решили взять его пастухом. Стал он жить у сельчан по очереди в семьях чей скот пас. Имя ему дали: Кравченко Александр Григорьевич. Сельчане звали его Шурко.

Документы помогли ему сделать староста. В село частенько заходили немцы, староста предупреждал сельчан: будут угонять молодежь, отбирать продукты и т. п.

Яша работал добросовестно и в селе относились к нему хорошо. В одной семье, уже немолодых мужчины и женщины, даже решили усыновить Якова. Он прожил у них до конца войны.

Когда Днепропетровск освободили, Яков решил поехать туда, искать родственников. Приемные родители огорчились, но они понимали, что это парню очень важно, снабдили его продуктами, и он поехал. Прежде всего он заехал в семью погибшего школьного друга. В глубокой печали он стоял на месте разрушенного дома, где его приютила Мария, мама друга. Ни дома. Ни его обитателей. Соседи рассказали, что жильцы этого квартала помогли партизанам и карательная операция фашистов уничтожила весь квартал.

Об отце Яша узнал, что он погиб и похоронен в братской могиле. Яков учился, работал, женился. Репатриировался в Израиль в 1994 году. Историю эту рассказала его жена Земфира Долгополова. К сожалению, сам Яков Семенович к этому времени уже скончался. Именно поэтому многие имена праведников, о которых успел заявить Яков при жизни, имена людей, благодаря которым он остался жив, не названы в этом рассказе. Но они хранятся в Яд - Вашеме. А Земфира рассказала эту историю своего мужа так, как она ее запомнила.

З. Долгополова

Горящая синагога

В момент начала военных действий фашистского нашествия в Днепропетровской области на Украине я жил не дома, а отдыхал в оздоровительном детском лагере. Совсем недалеко от него произошло столкновение немецкого десанта с группой призывников местного военного комиссариата. Детей из лагеря отдыха захватили обученные профессионалы и закрыли в местной синагоге, которую намеревались сжечь. Что они и, не медля, осуществили.

Огонь быстро разгорался, дети, которые были ближе к источнику огня, получили серьезные ожоги.

И тут подоспели местные жители села. Они пообещали отдать за детей клад, зарытый еще в гражданскую войну. Выкупили детей. Убедившись в действительном существовании клада, немцы нас отдали. Вытащили нас, тех, кто еще был жив. Положили в кузов грузовика.

На нем нас намеревались вывезти. Я не помню, куда меня и таких же обожженных отвезли, что было потом – провалилось в невосстановимую яму забвения. Знаю только, что никто нас там особенно не лечил, некому было. Говорят, что нас переносили то в одно место, то в другое, чтобы не повторилась беда и нас не нашли. Не стану рассказывать, как скитались мы, как спасали нас неизвестные люди, как перевезли через линию фронта, прикрывая нас своими телами во время бомбежек, как голодали в пути, пока, наконец, восстановилась связь с моими близкими. Меня нашла мама в Ростове - на - Дону.

Тело мое так и осталось пораженное шрамами от ожогов. Это страшное событие осталось во мне отпечатком на всю жизнь. Я часто болел. Был запуганным, нервным ребенком. Даже и после войны, когда повзрослел, этот ужас не оставлял меня. Я переживал его вновь и вновь.

Плохо учился. Потом постепенно, кажется мне, все-таки почти восстановился. Но разве это забудешь?

Те, кто смеет утверждать, что Холокост – это выдумки евреев, пусть посмотрят на нас.

Мы – «живые памятники Холокоста».

Э.К.

НЕ ЗАБУДЕМ

Семеноволд Верник(памяти друга)

Марк Штейнберг

Grave Cm Fm G⁷ $\text{♩} = 100$ G⁷ Cm

Мы за - пом - ним за - пом - ним и не за - бу - дим
 пом - нить во век пе - пе - ли - ша Ха - ты -
 шёл э - тот День, нас - ту - пи - ла рас - пла

Fm^{b7} G⁷ C⁷

как ног - тя - ми блес - тя был, как кровь ма - ни - кюр фра - у Кох по - ко -
 ни, Ба - бий Яр, Се - лас - пилс, и Май - да - не - ка АД Что - бы у - жа - сы
 та Май вес - ну и По - бе - ду на - ро - дам при - нес. И встре - ча - ла семь -

10 Fm G⁷

ва - ла под - ру - ге Герт - ру - де че - ло - ве - чес - кой ко - жи цвет - ной а - ба - жюр Вз - то
 вой на пла - не - те от - ны - не, Ни - ког - да б не мог - ли воз - вра - ти - ться на - зад. Что - бы
 я от - ца, сы - на сол - да - та. Бы - ли мок - ры - ми ли - ца от ра - дост - ных слёз Раз - ве

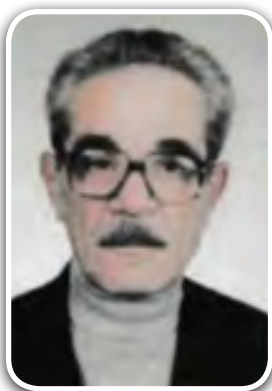
13 C^v 3 C⁷ Fm Dm 3 Fm

труд - но по - ве - рить но всё э - то прав - да, сох - ра ни - ла нам па - мять всё э - то на
 де - ти сме - я - лись - счаст - ли - во и звон - ко. Не бо - я лись от - рав - лен - ных я - дом кон -
 мож - но за - быть, как бур - ли - ли пер - ро - ны? Смех, объ - я - тья, и слё - зы и гроз - дья ра -

16 G⁷ C⁷ 3 Fm F^b G⁷

век. Мы не мо - жем за - быть - про - сто нет ³у нас пра - ва ³по за - быть всё, что вы - нес в Вой - ну че - ло -
 фет. Чтоб не слы - шался го - лос боль - но - го ре - бён ка "У - ве - зи ме - ня ма - ма, где не - ба -
 кет. как сол - дат - ки - е, пом - нишь дро - жа - ли ла - до - ни на до -

19 Cm rit. Fm 3 G⁷ 3 C

Марк Штейнберг, автор музыки

Всеволод Верник, автор текста

САЛАСПИЛС

Хатынь

Майданек

Текст:

*Мы запомним, запомним и не позабудем,
Как, ногтями блестел, словно кровь, маникюр:
фрау Кох поковала подруге Гертруде
человеческой кожи цветной абажур.
В это трудно поверить, но все это – правда
сохранила нам память все это навек.
Мы не можем забыть - просто нет у нас права-
все, что вынес в прошедшей войне человек.*

*Будем помнить вовек пепелище Хатыни,
Бабий Яр, Саласпилс и Майданека ад,
чтобы ужасы войн на планете отныне
никогда не могли возвратиться назад.
Чтобы дети смеялись счастливо и звонко,
не боялись отравленных ядом конфет,
Чтоб не слышался голос больного ребенка:
«Увези меня, мама, где небушка нет»*

Композитор Марк Штейнберг пишет:
«Текст песни - это «вынятка» (извлечение выдержка, выборка) из поэмы моего незабвенного талантливого друга- одессита ВСЕВОЛОДА ВЕРНИКА, жизненный путь которого прервался на 70-ом году жизни в Нью-Йорке»

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ!

Закон непобедимости и несокрушимости еврейства:

«Жизненные силы еврейства таковы, что выдерживали, выдерживают и, выдержат испытания, и если какой-либо земной властитель думает победить непобедимое и сокрушить несокрушимое, то он собирает лишь горящие уголья на свою собственную голову, обрекает себя на неизбежное падение» –

Сергей Булгаков,
профессор Православного
Богословского института,
священник, живший
в оккупированном фашистами
Париже.

Религиозно-философское
исследование
«Расизм и христианство».

ЕЩЕ РАЗ О БАБЬЕМ ЯРЕ

Неравнодушный Мир отметил печальную Памяти массового уничтожения еврейского населения Киева и его окрестностей в Урочище Бабий Яр. Это случилось в конце сентября, и начале октября 1941 года когда нацисты вошли в Киев. Нацистам помогли полицаи из местного населения. И само местное население так же участвовало в отлове евреев и выдаче их немцам. Было расстреляно более ста тысяч евреев. Этот позор "представителей человеческого племени" до сих пор трудно объяснить даже с чисто психологической точки зрения.

История и высший небесный суд никогда не забудут тех справедливых гневных слов, которые во времена трагедии Бабьего Яра передавал через священников своему народу епископ г. Львова Андрей Шептицкий: «Каждый, кто помогает немцам преследовать евреев, будет проклят до конца жизни».

И после смерти тоже, – добавим мы... Историю этой трагедии 75-летней давности мы и сейчас ощущаем болью за тех, кто остался в яре навсегда. Потому что нет срока давности для убийц еврейских детей. Люди, извращающие историческую правду с целью избежать ответственности за это преступление, «собирают горящие уголья на свою собственную голову, обрекают себя на неизбежное падение» – так было, так есть и так будет!

Поэт Евгений Евтушенко своим стихотворением и композитор Дмитрий Шостакович силой таланта (13-той симфонии) разбудили советскую общественность. Люди слушали, плакали. «У памяти нет срока давности». Мы хотим, чтобы помнил, мир! ОБ ЭТОМ ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ, чтоб в Памятник Невинным Жертвам не превратилась вся Земля!

Вот они, эти потрясающие строки:

*Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
Как самому еврейскому народу...*

*Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно, по-судейски.
Все молча здесь кричат, и, шапку сняв,
Я чувствую, как медленно седею.*

*И сам я, как сплошной беззвучный крик,
Над тысячами тысяч погребенных.
Я - каждый здесь расстрелянный старик.
Я - каждый здесь расстрелянный ребенок.*

К сожалению, наш разрозненный мир людей до сих пор не знает точно, сколько жизней погублено в Бабьем Яре. И уже скорее всего не узнает этого до тех пор, пока на свете существуют силы, настойчиво и вопреки истине отрицающие Холокост. На Нюрнбергском процессе было озвучено, как считалось - реальное число погибших: 168 тысяч евреев и свыше 300 тысяч — военнопленных. Эти цифры подтвердил Международный военный трибунал.

В сентябре 1961 года – в одной из газет появились, наконец, стихи Е. Евтушенко "Бабий Яр" Они вызвали бурную реакцию в СССР и произвели огромное впечатление на мировое общественное мнение. С тех пор тема о событиях в Бабьем Яру постоянно подымалась, несмотря на продолжение политики официального замалчивания.

И только в начале 1970-х годов под давлением международных организаций, министерство культуры Украины организовало конкурс на проект памятника в Бабьем Яру.

В 1976 г. около Бабьего Яра установили "героическую" мемориальную композицию, на монументе которой в надписи не упоминалось о том, что большинство расстрелянных были евреями. Во всех путеводителях и справочниках мемориал назывался "памятник в Сырецком массиве".

В 1991 году Леонид Кравчук, ставший в дальнейшем первым президентом Украины, не только принес извинения еврейскому народу в связи с участием украинцев в гитлеровском геноциде, но и дал добро на восстановление памятного знака — еврейской меноры.

В 1992 г. недалеко от Бабьего Яра был установлен памятник расстрелянным еврейским детям. В 2003 г. во время визита на Украину президен-

ООБЕРШТУРМФЮРЕР СС лагерный врач на горе трупов.

та Израиля М. Кацава рядом с менорой был установлен памятный знак.

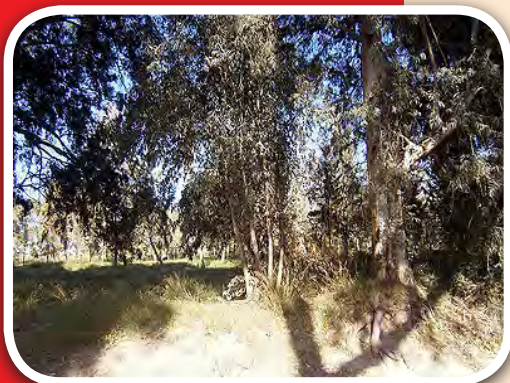
С 1991 года в Бабьем Яру ежегодно происходят траурные митинги, в которых принимают участие украинские государственные деятели, послы Израиля, представители международных еврейских организаций, делегации разных стран, тысячи евреев Киева.

Напрасны потуги тех, кто, приводя якобы «достоверные изыскания», пытается опорочить память погибших, внести в души людей грязные сомнения в истинность исторической трагедии, засоряют интернет заказными статейками сомнительного содержания, высосанного из пальца. Того, что было, не скрыть. И не забыть. Напрасно стараетесь, господа борзописцы!

Т. Артамонова.

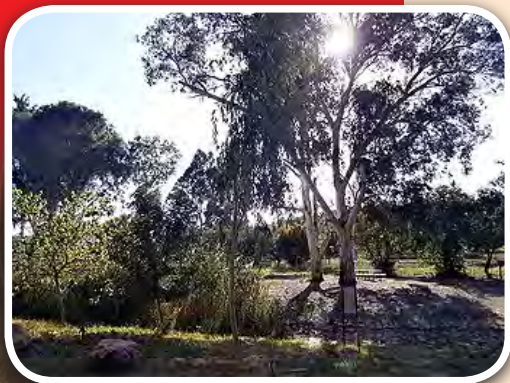

Белорусская роща в ИЗРАИЛЕ

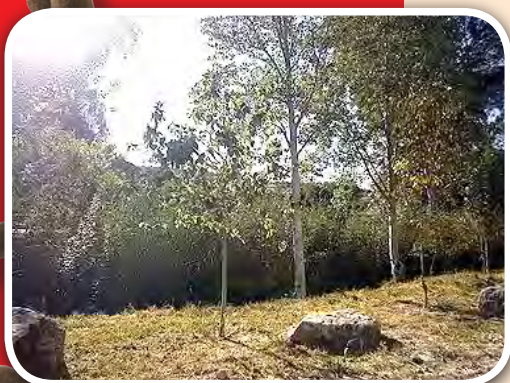
В 1998 году община выходцев из Беларуси приобрела два дунама земли в лесу недалеко от Бейт-Шемена и высадила на ней 1000 деревьев в память о погибших евреях минского гетто. Так образовалась Белорусская роща, где установлен большой камень - памятник жертвам Холокоста в Беларуси. Вот что сообщает Википедия об уничтожении минского гетто:

«21 июня 1943 года нацистская верхушка приняла решение о полном уничтожении всех гетто на оккупированных землях. Последним днём существования минского гетто считается 21 октября 1943 года — день начала последнего погрома. В течение 21-23 октября 1943 года нацисты убили всех ещё живых к тому времени узников, кроме 500 квалифицированных мастеров, вывезенных в Германию. На территории Минского гетто, как потом выяснилось, в живых осталось только 13 человек, которые прятались на протяжении нескольких месяцев в подвале дома около еврейского кладбища на улице Сухой, и смогли выйти из убежища только в день освобождения Минска в июле 1944 года.

Часть узников минского гетто была убита в районе Тучинки, находящемся в конце улицы Опанского (сейчас Кальварийская). Там были выкопаны три огромные ямы, в которых только 20 ноября 1941 года были расстреляны из пулеметов 12 000 евреев.

Часть евреев из гетто убили в концлагере СС на улице Широкой (впоследствии — улица Варвашени, сейчас Машерова). С августа 1943 года и почти до самого освобождения Минска в июле 1944 года заключенных лагеря в 4 душегубках постоянно вывозили в лагерь уничтожения «Малый Тростенец». По дороге до лагеря люди погибали от выхлопных газов, а их тела сжигали в Тростенце. Только таким способом было умерщвлено примерно 20 000 человек, почти все они были евреями из Минского гетто.

Около 2 000 евреев из Минского гетто 11 июня 1943 года были вывезены одним эшелонам в Польшу, в концлагерь Майданек, и, после использования на принудительных работах, практически все уничтожены.

Из более 100 000 евреев, попавших в Минское гетто, выжить смогли только 2-3 % узников.»

Ежегодно 21-23 октября из разных городов Израиля в белорусскую рощу приезжают выходцы из Беларуси чтобы отдать долг погибшим и почтить их память. У памятного камня проводятся траурные митинги, в которых ежегодно участвуют представители посольства Республики Беларусь. В этом году также 21 октября здесь состоялся митинг, на который приехали члены белорусского землячества ашдоодского, ашкелонского, беер-шевского, иерусалимского, кирьят-гатского отделений. По установившейся традиции митинг открыл председатель всеизраильского объединения выходцев из Беларуси

Михаил Альшанский. В своей вступительной речи он сообщил, что в этот же день в Минске также проводится траурный митинг у Ямы с участием Правительства Беларуси. Затем выступил посол Республики Беларусь **Скворцов Владимир Николаевич.** Он напомнил о страшных событиях во время оккупации Беларуси, о сходстве в судьбах еврейского и белорусского народов (в Беларуси погиб каждый четвёртый), о дружбе этих народов, отметил приближающийся юбилей – 25-летие дипломатических отношений между Израилем и Беларусью. Его речь была очень тёплой и дружественной. На митинге выступали председатели и члены отделений землячества, вспоминали о трагедии минского гетто, своих погибших родственников. И все они отмечали необходимость сохранения памяти о погибших и передачи её следующим поколениям. Поэт Семён Гофштейн поделился своей любовью к двум родинам – Беларуси и Израилю и прочёл своё стихотворение «Белоруссии», написанное в 30-ю годовщину освобождения Белоруссии от фашистов. Член литературного объединения Ащода **Давид Гренадёр** прочёл своё стихотворение «В Белорусском лесу», посвящённое годовщине уничтожения минского гетто. На митинге присутствовал художник с мировым именем **Эдуард Левин**, который рассказал о своих выставках в Израиле и за рубежом. *Последним выступил старейший член белорусского землячества, узник гетто, партизан, воин – ветеран войны Гинзбург Борис, который рассказал о побеге из гетто и своём дальнейшем военном пути до Берлина. Затем он прочёл кадши и поминальную молитву.* Закончился митинг возложением венков и цветов к памяtnому камню и зажжением свечей. Светлая память безвинно загубленным жертвам Холокоста. Горечь и боль утраты навсегда останутся в сердцах нашего народа.

В Белорусском лесу.

В «Белорусском лесу» на Израильской древней земле,
Там, сосны шумят под напорами тёплого ветра,
Я у скромного знака стою на скалистом холме,
Словно там, на краю, где до смерти осталось полметра.

Словно там, на краю, где решался еврейский вопрос,
Где фашистская нечисть вершила своё злодеянье,
Там, где души евреев кричали с надеждою:
– SOS!
Где весь мир равнодушно хранил гробовое молчанье.

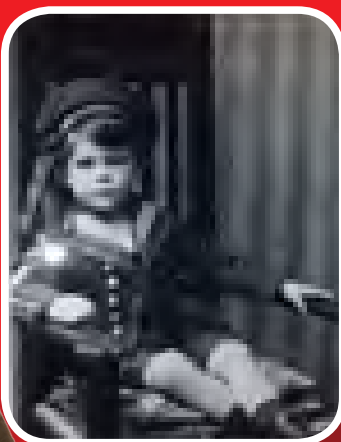
Сколько их, дорогих, полегло в той проклятой войне?!
Сколько в «Яме»*, в лесах иль в траншее засыпано узкой?!
Образ Минского гетто остался на этом холме,
Где навечно сплелись корни сосен с Землёй Белорусской**...

Давид Гренадер.

* Яма – мемориальный комплекс евреям – жертвам нацизма в Минске.

** Земля Белорусская – земля, насыпанная у подножья памятника, которая была привезена из мест захоронения евреев – жертв нацизма на территории Белоруссии.

Феликс Нуссбаум в детстве

« ЕСЛИ Я ИСЧЕЗНУ... »

(Рассказ о художнике, отобразившем в своих картинах Холокост)

В августе 1944 года в Аушвице был казнён Феликс Нуссбаум. В произведениях немецкого художника, еврея по происхождению, нашла глубокое отражение трагическая судьба автора и всего европейского еврейства в 30-40-е годы 20 века.

Оснабрюк - небольшой древний немецкий город на востоке земли Нижняя Саксония, история возникновения которого восходит к 8 веку. Главная историческая достопримечательность его - построенный в 9-11 веках Домский собор Св. Петра и так называемая «Новая ратуша в старом городе» (конец 15 в - начало 16 в.), в которой в 1648 году был подписан знаменитый Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне.

Недалеко от этого здания в наше время построен комплекс, посвященный Феликсу Нуссбауму и его картинам. Неподалёку от «старого города» с его отреставрированными постройками выделяется сооружение Музея истории и культуры Оснабрюка. Это комплекс зданий в стиле конструктивизма. Он воздвигнут в 1998 году по решению городского совета специально для музея художника Феликса Нуссбаума, уроженца этого города, разделившего трагическую судьбу евреев Германии.

Интерес к творчеству Нуссбаума обусловлен не только трагизмом его судьбы, но в первую очередь - высокими художественными достоинствами его произведений, наполненных глубоким содержанием, символикой и своеобразной цветовой гаммой. И всё же, главная заслуга Нуссбаума в том, что он, единственный из художников первой половины 20 века, с такой полнотой и убедительностью запечатлел в своём творчестве всю глубину той атмосферы страха, отчаянья и безысходности, в которой оказалось еврейское население III Рейха и оккупированных нацистами европейских государств. По существу, его работы стали художественным отражением Холокоста, его своеобразными обличительными документами.

Но расскажем обо всем по порядку.

Феликс Нуссбаум родился 11 декабря 1904 года в добропорядочной еврейской семье Филиппа Нуссбаума и его жены Рахиль. Он был вторым сыном у супругов и рос в замкнутой атмосфере благополучного буржуазного дома. Отец занимался торговлей железом и скобяными товарами. В семье любили живопись и музыку, каникулы обычно проводили на острове Нордерней в Северном море или на фешенебельном курорте Остенде на бельгийском побережье. Отец, сам мечтавший в юности стать художником и с увлечением занимавшийся живописью как любитель, в немалой степени способствовал пробуждению и развитию интереса к изобразительному искусству у своего младшего сына. Он активно поддержал его намерение учиться живописи. Кумиром отца был в первую очередь великий Ван Гог. В отличие от своего старшего брата Юстуса, с юных лет обнаружившего задатки бизнесмена и готового продолжить отцовское дело, Феликс был застенчивым, подверженным депрессии

юношей, который, однако, мог в обществе стать неожиданно очаровательным, весёлым балагуром. Семья Нуссбаум не отличалась строгим исполнением всех религиозных законов и требований иудаизма и исповедовала скорее реформаторские идеи, характерные для ассимилированной части еврейского населения Германии в годы после Первой мировой войны. Тема конфликта между ортодоксальным еврейством и новым, современным, уверенном в себе поколением, к которому Феликс причислял самого себя, звучит в одной из его первых крупных работ, картине «Два еврея (в синагоге Оснабрюка)», датированной 1926 годом. Если «старое» олицетворяет кантор Абрахам Элиас Гиттельзон, то «новое» - это сам автор картины. И хотя уже здесь Феликс Нуссбаум сознательно подчёркивает свою принадлежность к еврейству, он ни тогда, ни в последующие годы не хотел, чтобы его воспринимали только как еврейского художника.

В 1922 году Феликс покидает, не доучившись, опостылевшую ему среднюю школу, чтобы посвятить себя искусству. Отец полностью поддерживает его решение, в то время как мать считает это ребячеством. Он начинает учёбу в Гамбурге, однако скоро переезжает в один из центров европейского искусства того времени - Берлин, где учится живописи у известных тогда художников Цезаря Кляйна и Ганса Майда. Уже в 1928 году 23-летний Нуссбаум получает право на персональную выставку в галерее Каспер в Берлине. В ранних произведениях художника ещё отчётливо ощущается влияние его отца, обожествляющего Ван Гога, который до конца 20-х годов остаётся для него непререкаемым авторитетом. В этом отношении «Автопортрет в зелёной шляпе, 1927г.» - явная реминисценция знаменитого «Автопортрета» Ван Гога. Как художник Феликс Нуссбаум не был авангардистом в полном смысле этого слова, он принадлежал к так называемому «потерянному поколению». (20-30-е годы). Приход к власти нацистов, начало Второй мировой войны не позволили художникам этого направления в полной мере раскрыться, реализовать свои возможности, их имена либо не успели приобрести известность, либо были забыты. Только в 70-е годы они были заново открыты и оценены по достоинству. В это же время музей истории и культуры Оснабрюка начал заниматься розыском и собиранием произведений своего земляка, чтобы выполнить оставленный им завет: **«Если я погибну, не дайте погибнуть моим картинам».**

Но вернемся к его жизни в Берлине. Чем дольше художник живёт в этом городе, где властвуют новые современные направления в образительном искусстве - экспрессионизм, сюрреализм, примитивизм, тем всё дальше удаляется он от своего великого образца (Ван Гога) и поворачивается лицом к живописи Анри Руссо, Джорджи Де Кирико и Карла Хофера, на которых ориентируется молодое поколение художников. Картины Нуссбаума встречают доброжелательную оценку критиков. Один из них пишет: «Талантливый парень. Кажется, он обладает всеми данными для того, чтобы найти свой собственный стиль». Рецензенты особо отмечают своеобразие фантастических тем и образов его картин: **любовь и смерть, наивность и чёрный юмор, кошмар и детский восторг. Сам он так впоследствии писал об этих своих работах: «Я писал, казалось, абсолютно безучастный мир, который меня окружал, и каждый раз вкладывал в это что-то от моего душевного состояния. Короче говоря,**

Даниэль ЛИБЕСКИНД

(Автором проекта Музея Макса Нуссбаума стал американский архитектор Даниэль Либескинд. Ему удалось создать сооружение, названное им самим «Музей без выхода», которое, благодаря форме, композиции, оригинальным конструктивным решениям и отделке, соответствует духу и содержанию живописи художника. Длинный, узкий коридор без окон, мрачные залы-казематы, на стенах которых развешаны картины, вычурные из полутьмы оригинально расположенными светильниками, замысловатые переходы из одного помещения в другое. Посетитель постоянно натывается как бы на глухую стену, — всё это, вкуче с замечательными творениями художника, производит неизгладимое впечатление. Переходя из зала в зал в единственно возможной последовательности, зритель как будто повторяет путь Нуссбаума и персонажей его картин на Голгофу, и каждому этапу этого пути соответствует определённый интерьер помещения, его форма, освещение и т.п. Торжественное открытие нового музейного комплекса состоялось 16 июля 1998 года.)

«Музей без выхода» Феликса Нуссбаума

я представлял во всей простоте то, что приносило мне радость и что меня тревожило».

Он плодотворно работает и уже к 1931 году становится заметной фигурой среди художников молодого поколения. Феликс получает в 1932 году стипендию Прусской Академии для поездки в Италию. И уезжает из Берлина. Ничто не предвещает пока, что уже никогда больше он не вернётся в Германию. Живёт и работает на вилле Массимо, принадлежащей Прусской Академии, вместе с другими стипендиатами. Однако, его единомышленники, как и его семья, остались в Берлине, а здесь, в Италии он всё сильнее чувствует себя в изоляции. Художника разочаровывает Рим. Он кажется неестественным, каким-то ненастоящим и очень «археологичным». А в это время в Германии происходят перемены. В мае 1933г. на Оперной площади в Берлине сжигаются книги неугодных авторов, мыслящих самостоятельно и вразрез официальному мнению, изгоняются из Академии профессора, начинаются акции против еврейского населения страны. А тут ещё приходит сообщение, что пронацистски настроенные студенты подожгли ателье Нуссбаума в Берлине. В огне погибло более 150 картин. Но что особенно доставляло ему настоящую боль: его коллеги по классу здесь, в Италии, оказались на стороне наци. Вспыхивает стычка, настоящая драка, в результате которой Нуссбаум травмирован. И его и обидчика отчисляют из Академии.

В конце 1934г. в Рапалло Феликс встречается с родителями. Они на какое-то время поселяются вне Германии, но искренне любя свою Германию, возвращаются туда. Ведь Филипп (отец семейства) - ветеран Первой мировой войны - был немецким патриотом, состоял в Союзе ветеранов. Правда, когда к власти пришёл новый режим, его заставили сдать членский билет. Это огорчило, но не стало поводом покинуть свой дом. Бывший кавалерист, сражавшийся за Германию в Первую мировую войну, был в плену ностальгических иллюзий. Ни он, ни его жена, никогда больше уже не увидятся с детьми. Через девять лет печи концлагеря поглотят их всех. Отца, мать, брата, Феликса и его любимую жену.

Пожалуй, настала пора рассказать о женщине, первой и последней любви Феликса.

Фелка Платек, одарённая польская художница из Варшавы. Феликс познакомился с ней ещё в 1924 году в Берлине. Она всегда и во всем полностью разделяла взгляды художника и поддерживала его в трудные минуты.

Фелка была старше Феликса на 5 лет, происходила из бедной еврейской семьи. Она приехала в Берлин в начале 20-х годов, чтобы учиться живописи. Вскоре молодые люди поняли, что должны жить вместе, и в 1929 году они поселились в одной квартире. С этого момента, за исключением коротких периодов, они уже не разлучались до самой смерти. Надо сказать, что семья Феликса без восторга восприняла известие об этой связи. Во -первых из-за того, что Фелка была старше, а во-вторых - вследствие той подозрительности и некоторого высокомерия, с которыми ассимилированные западноевропейские евреи относились к своим соплеменникам из Восточной Европы. Что же касается самого Феликса, то для него этот союз стал важной эмоциональной и моральной

опорой. После исключения из Академии они с Фелкой перебираются на итальянскую Ривьеру, в Рапалло и ходатайствует о продлении разрешения на пребывание в Италии. Он продолжает внимательно следить за событиями на родине и пытается приглушить постоянную тревогу, рисуя красивые итальянские ландшафты.

А затем начинаются годы скитаний. Художник так описывает это время:

«Никогда больше я не видел мою страну... Робко и бессмысленно блуждал я по итальянской Ривьере, даже писал роман, но рисовал мало. Постоянный поиск покоя и новой родины занимали всё моё время. Не имеющий права на проживание, постоянно переезжал с поспешно написанными акварелями, свёрнутыми как багаж... Швейцария, Франция, Париж..., наконец, до границы Бельгии, спасительно открытой. Для того, чтобы получить вид на жительство, действительное только на полгода приходится постоянно менять место проживания, работать, усердно рисовать и писать маслом».

Остенд. Выбор этого курортного города на побережье Северного моря не случаен. Он хорошо знаком Нуссбауму по тем счастливым временам, когда проводил здесь каникулы вместе с родителями. К тому же есть надежда, что из этого портового города им с Фелкой удастся перебраться в Англию. Однако, вскоре они в полной мере ощутили здесь все «прелести» изгнания. Но, несмотря на это, а, может быть, как раз именно поэтому, живопись остаётся для Феликса единственной и постоянной возможностью для выражения своих мыслей, ощущений, отношения к окружающей действительности и определения своего места в ней.

В сентябре 1937 года Феликс и Фелка переселяются в Брюссель, где вскоре регистрируют свой брак. В Брюсселе Нуссбаум знакомится с бельгийским скульптором Долфом Леделем и благодаря дружбе с ним получает возможность выставить некоторые свои работы. В 1938 году он принимает участие в выставке свободного объединения художников в Париже. Его картины были представлены под девизом «Свободное немецкое искусство» Это было явным вызовом состоявшемуся в том же году в Мюнхене нацистскому шоу под названием «Выродившееся искусство». В работах Феликса впервые открыто звучат политические мотивы: протест против войны и диктата национал-социалистической доктрины в сфере искусства. Антивоенная тема ярко выражена в картине «Жемчуг», написанной под впечатлением гражданской войны в Испании.

Начало Второй мировой войны застаёт Нуссбаума в Бельгии. Всё больше и больше его начинает мучить вопрос национальной принадлежности: здесь, в изгнании он нежелательный иностранец, на родине - преследуемый еврей. С этого момента живопись приобретает для него особое значение: в его картинах - отражение, реакция на события ужасающей действительности. Одновременно он со всё большей силой начинает осознавать связь со своим преследуемым народом.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
ВСЕЙ СЕМЬИ НУССБАУМОВ.

ЖЕМЧУГ. 1938г

«Автопортрет с паспортом еврея»

8 мая 1940 года немецкие войска вторгаются в Бельгию. И уже через два дня Нуссбаум как подданный германского рейха, способный носить оружие, подвергается аресту бельгийскими властями и после многодневного пути в запертом товарном вагоне оказывается в лагере для интернированных «St. Cyprien» на юге Франции. Невыносимые условия жизни в лагере, прозванном «пиренейским адом», заставляют его в августе 1940 года под давлением французской администрации подписать бумагу с согласием на возвращение в рейх. Во время остановки в Бордо ему удаётся бежать вместе со случайно встреченным школьным товарищем. Он возвращается в Брюссель, где его ждёт Фелка. С этих пор лагерная тема станет на долгое время ведущей в его живописи. Лагерь становится синонимом его существования в Бельгии, где законы немецкого оккупационного правительства не оставляют евреям ни малейшей возможности для жизни. Характерны для этого периода картины «Страх», «Лагерная синагога» «Автопортрет с желтой звездой» и другие.

Здесь ещё не было газовых печей, но были нечеловеческие условия проживания, непосильный труд и голод. (Дар д-ра Пауля Фрейда и его супруги Хилды, Иерусалим, Израиль) Четыре фигуры, завернутые в талиты, молятся у заброшенной лачуги. Такая на скорую руку оборудованная синагога была в концлагере, узником которого был Нуссбаум. Справа от молящихся - одинокая фигура. Это, возможно, сам Нуссбаум. Он возвращается к своим еврейским корням. Серое, хмурое небо заполняет задний план картины, черная туча закрывает собой солнце во время утренней молитвы.

28 мая 1942г. в Бельгии были приняты антисемитские законы, введено требование обязательного ношения евреями шестиконечной звезды. Нужно сказать, что Нуссбаум никогда не делал этого, это был его личный протест.

В мае 1942 года был принят печально известный указ об окончательном решении еврейского вопроса, преследование евреев на оккупированных территориях вступило в завершающую фазу. В августе того же года начались массовые депортации в лагеря уничтожения на Востоке. Феликс и Фелка находят на короткое время убежище у друзей, в семье Ледель. В начале марта 1943 года эта семья решает бежать в Арденны и предлагает им ехать вместе с ними. Однако Фелка смертельно устала, она не может решиться на новые скитания. Они остаются в Брюсселе. Возвращаются на свою старую квартиру. Хозяин дома оборудует специально для них скрытую от всех мансарду, а при облавах гестапо показывает каждый раз их пустую квартиру. Так проходит несколько месяцев, в течение которых Феликс может рисовать лишь натюрморты карандашом и гуашью. В июне ему удаётся найти подвал, в котором он оборудует ателье.

Здесь Феликсу Нуссбауму суждено было создать свои последние произведения. Несмотря на постоянный страх быть схваченным, он продолжает самозабвенно работать, делая вы-

нужденные паузы лишь тогда, когда от постоянной нервной нагрузки руки перестают его слушаться и начинают дрожать. Одна из ключевых картин, выражающих мироощущение художника в тот период, «Шарманщик» полна символов и метафор.

Нуссбаум со всей ясностью осознаёт, что обречён. Но он продолжает яростно работать, пытаясь живописью защитить себя от неминуемого. Его последние работы проникнуты чувством глубокой причастности к общей судьбе евреев. Сами названия их говорят о настроении обречённости. «Скорбная пара», «Автопортрет с паспортом еврея» «Проклятье», «Триумф смерти».

Это полотно оказалось завершающим, подводющим итог творчеству и жизни художника. В нём Нуссбаум ставит под сомнение смысл своего искусства, которое так долго питало его силы и поддерживало волю к жизни. Здесь смерть не просто исполняет свой классический танец, а шумно торжествует на обломках западноевропейской культуры. Краски приглушены, общий колорит выдержан в коричневых тонах, любимом цвете художника, символизирующем смерть. Оторванный листок календаря в нижнем углу картины указывает дату - четверг, 8 апреля 1944 года. А 20 июня Феликс Нуссбаум и Фелка Платек были по доносу арестованы и 31 июля 1944 года с последним эшеленом депортированы из Бельгии в Аушвиц. И там убиты. До освобождения Брюсселя союзниками оставалось чуть больше месяца.

Музей истории и культуры Оснабрюка, начиная заниматься розыском и собиранием произведений своего земляка, свято выполняет завет Феликса Нуссбаума «Если я погибну, не дайте погибнуть моим картинам». Ведь работы мастера позволяют рассматривать Нуссбаума как единственного в Германии художника, изобразившего ужас Холокоста в развитии изнутри, через собственное внутреннее восприятие, в то время, когда сам он - жертва.

Изображённый на переднем плане шарманщик, за спиной которого уходит вдаль безжизненная улица, символизирует гибель мира искусства: он уже не может играть - ручка шарманки отсутствует, а вместо трубок человеческие кости. Безучастно смотрит он на нас с полотна, вокруг разбросаны части скелетов, из окон домов свешиваются ключья чёрных флагов. Всё говорит о безысходности, гибели надежд на спасение, всеобщем разрушении. Эта картина-исповедь, картина-признание.

Краткий обзор жизни творчества и художника подготовила Т. Сологуб

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Герб города Черновцы
17 июля 1992 сессия городского
совета утвердила герб и флаг
города Черновцы
Автор Буковинский художник и
график ОРЕСТ КРИВОРУЧКО.
Лозунг на гербе: «ОБЩИМИ
УСИЛИЯМИ»

Семен Обридко, Израильский певец из Назарета, прислал нам сообщение на украинском языке об открытии нового Мемориала в Черновцах. Мы публикуем подлинник, снабдив его переводом Елены Богдановой из г. Киева, и предваряем статью исторической справкой:

Черновцы (до 1944 «Черновицы» Чернівці, нем. Czernowitz, рум. Cernăuți, идиш טשערנאָוויץ — Черновиц, польск. Czerniowce) — город на юго-западе Украины, в 40 км к северу от румынской границы, на правом берегу реки Прут.

1775—1914. Город входит в состав Австрии и Австро-Венгрии.

1914—1918. Во время Первой мировой войны Черновцы трижды были заняты русскими войсками: (30.08.1914—21.10.1914; 26.11.1914—18.2.1915; 18.06.1916—02.08.1917).

11 ноября 1918 года после подписания перемирия между Германией и странами Антанты Черновцы были заняты румынскими войсками, а 28 ноября румынский Генеральный конгресс Буковины провозгласил воссоединение всей территории Буковины (в том числе г. Черновцы) в составе Румынии.

1918—1940. Румыния. При румынской власти Черновцы остались административным центром Буковины. Город оставался центром украинской жизни на Буковине (как в северной, так и в южной её части).

1940—1945. Вторая мировая война. В 1940 году Буковина была разделена на Северную (отходившую к СССР) и Южную (остававшуюся в составе Румынии). Черновцы заняла Красная Армия, город вошел в состав Украинской ССР. 5 июля 1941 года город был занят румынскими войсками (воевавшими на стороне Германии) и административно вошёл в состав Румынии. В короткий период, времени, когда Советы оставили Черновцы, а румыны еще не вошли в город, начались массовые погромы. Бандитствующие антисемитские отряды уничтожали евреев беспощадно целыми семьями. Заняв город, румынские власти создали еврейское гетто (в районе так называемого Нижнего города — в пределах теперешних улиц Головна, Сагайдачного, Барбюса, Садовского, Школьной), куда свозились евреи со всех окрестных населенных пунктов. Массовые расстрелы евреев начались с противников оккупационного режима. Они осуществлялись на берегу р. Прут. Затем оставшихся евреев депортировали в Приднестровье (Транснистрию, нынешняя территория ПМР и северной части Одесской области), также оккупированное румынскими войсками. Евреям, жившим до войны в южной части Буковины, принадлежащей Румынии, оккупанты как сочувствующим румынской власти выдавали документы, освобождающие их от депортации. Таким образом они смогли избежать отправки в концлагерь и уничтожения.

29 марта 1944 года город Черновцы практически без боя снова был занят Советской Армией. Освобождали город от гитлеровских германских войск советские войска 1-го Украинского фронта.

Областной дворец культуры
и Еврейский народный дом
на первом этаже

22 сентября в Черновцах был открыт мемориальный комплекс памяти узников еврейского гетто. На украинском и английском языках выбита надпись: «В память о евреях, узниках Черновицкого гетто 1941 года».

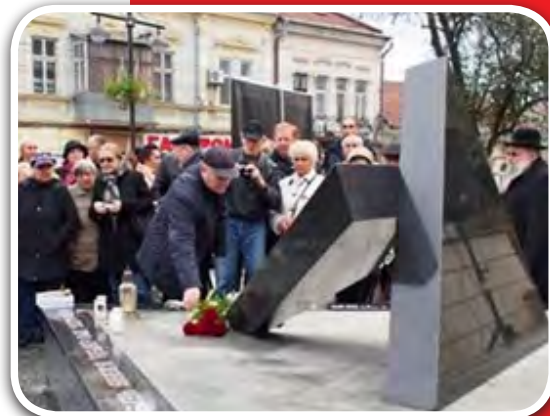
Именно здесь 75 лет тому назад было гетто, куда согнали все еврейское население Черновиц для дальнейшего вывоза в концлагерь.

В честь открытия мемориала состоялся митинг, на котором звучала песня о мальчике из гетто. В мероприятии приняли участие представители областной и городской власти, еврейской общины города и общественность. Раввины иудейской общины прочитали поминальную молитву по погибшим.

«В Черновцы в 1941 году вошли немецкие и румынские фашисты. Началось преследование еврейского населения, - рассказал в выступлении историк и политолог Игорь Буркут. Открытие этого мемориала очень важное событие. Мы не должны забывать, что уничтожение народа или социальной группы - это геноцид, преступление против человечества. Этот мемориал должен напоминать, что ни в одной стране такое не должно повториться.»

Гетто в Черновцах было открыто оккупационной властью в октябре 1941 года. Оно располагалось в районе улицы Еврейской (ныне Сагайдачного), туда входили Еврейский рынок, переулки и улочки, начиная от современной улицы Главной до улицы Русской. На этой территории до войны жило 5 тысяч человек, а согнали сюда вдесятеро больше черновчан еврейской национальности. Селили по 5-8 семей в пустые квартиры, разграбленные и разрушенные. Выход евреев из временного гетто был запрещен. Гетто обнесли деревянным забором с колючей проволокой, его охраняли военные и полиция. В 1941-42 годах большую часть людей в товарных вагонах вывезли в концлагерь в Транснистрию, где многие были уничтожены.

До войны в Черновцах было около 55 тысяч евреев, а в марте 1944 их осталось меньше 18-ти тысяч.

Мемориал в Черновцах
Архитектор Виктор Ткач.

22 октября відкрили меморіальний комплекс в'язням гетто, на якому українською й англійською мовами вибито напис: «У пам'ять про євреїв, в'язнів Чернівецького гетто 1941 року». Архітектор Віктор Ткач.

Саме тут 75 років тому було створили гетто, в яке зігнали все єврейське населення Чернівців для подальшого вивезення у концтабори.

На відкритті відбувся мітинг, в якому лунала пісня про хлопчика з гето. У заході взяли участь представники обласної та міської влади, єврейської громади міста та громадськості.

Рабини іудейської громади Чернівців зачитали поминальну молитву за загиблими. «У Чернівці у 1941 році прийшли німецькі нацисти і румунські фашисти, які розпочали переслідувати єврейське населення, - розповів історик і політолог Ігор Буркут. Відкриття цього меморіалу є дуже важливою подією. Адже ми не можемо забувати, що знищення народу чи соціальної групи - це геноцид, злочин проти людства. Цей меморіал має нагадувати, що в жодній іншій країні таке не має повторитися», - цитує історик.

Гетто в Чернівцях було створене окупаційною владою у жовтні 1941 року. Воно розташовувалось в районі вулиці Єврейської (нині Сагайдачного), єврейський ринок і всі провулки та вулички, починаючи від сучасної вулиці Головної до вулиці Руської. На цій території до війни мешкало 5 тисяч людей, а сюди зігнали вдесятеро більше чернівчан єврейської національності. Поселяли по 5-8 сімей у порожні квартири, які були пограбовані й понищені. Вихід євреїв із тимчасового гетто був заборонений. Гетто обнесли дерев'яним парканом з колючим дротом, його охороняли військові та поліція. У 1941-1942 роках більшість людей у товарних вагонах вивезли у концтабори у Транснистрію, де значна частина з них загинула. У 1941 році в Чернівцях мешкало близько 55 тисяч євреїв, у березні 1944 року їх залишилося менше 18 тисяч.

ВЫХОД ИЗ ПАТА

В шахматной игре - такое положение, при котором игрок не может сделать своего очередного хода. Патовая ситуация: безвыходное положение.

Толковый словарь.

Лев Борисович Блюмкин

Слева направо: Бабушка Надежда Моисеевна Аронова (Мамина мама), Моя мама Мариам Залмонова Блюмкина (Аронова), папа Борис Яковлевич Блюмкин.

Улица в Витебске

Юдель Моисеевич Пэн, Юдл Пэн; (5 июня 1854 — 1 марта 1937) — российский и белорусский живописец, педагог, видный деятель «еврейского ренессанса» в искусстве начала XX века. Известен также как учитель Марка Шагала.)

Вот об этой патовой ситуации и рассказал нам Лев Борисович Блюмкин простую историю. Простую, на первый поверхностный взгляд. А если вдуматься, о чудесной случайности. Хотя многие считают, что случайности в жизни не бываю просто случайными. Всему есть свой срок и своя причина, предписанная судьбой человеку.

Жил до войны в Белоруссии преподаватель Яков Блюмкин. В том самом техникуме работал, где чттили и помнили знаменитого художника Пэна

Было у Якова Блюмкина и его жены двое детей. Борис и маленькая Фира. Яков боготворил художника Юделя Пэна. Рассказывал детям и внукам об этом великом мастере. Так что вся семья хорошо знает до сих пор об этом художнике, картины которого так красивы и оригинальны, что узнаются и запоминаются сразу же, с первой встрече с ними.

Мирная жизнь оборвалась с началом войны. Старший сын Борис успел за это время уже уехать в Москву, встретил там девушку Мариаму и женился на ней. А потом родился у них сыночек Лева. Вот это самый Лева, рассказал нам, что почти вся семья его отца Бориса Блюмкина погибла, расстреляна в Витебском гетто. Погиб на войне и мамин родной брат Лев Абрамов. В семье до сих пор хранится треугольник письма, которое командир погибшего прислал матери Надежде Моисеевне Ароновой. Осталась только Лёвина тетя Фира. Та самая Фира, дочка Якова. Красивая, умница, певунья.

Лев вспоминает:

- Видел я Фиру только раз в жизни. А запомнил навсегда. Вот, как будто это только вчера было. Сидим мы с тетей Фирой у нас дома, играем в шахматы. Мне 7 лет. И вдруг она говорит: «Все, конец. Патовая ситуация. Пат, понимаешь?» Я не знал, что такое «пат».

«Это, - говорит она, - когда нет выхода. Нет больше ни одного хода. Никуда» Потом подумала и говорит: «Это в шахматах, а в жизни бывает, что и из патовой ситуации находится выход. Судьба!» Оказывается, что за месяц до начала войны отец (Да-да! Тот самый Яков!) вывез четырехлетнюю Фирочку в Москву. Как видно, на лето. Это и сохранило ей жизнь. Обычная житейская история. Но ведь за ней - целая человеческая жизнь. Полная радостей, переживаний, ощущений и убеждений, что жизнь, хоть и бывает нелегкой, но все равно: жизнь это прекрасно, это - счастье. Обыкновенная жизнь, сохраненная, несмотря ни на какие патовые ситуации. И ведь, если задуматься, удивительный народ - эти мои евреи. Ну, с чего бы этой Фире рассказывать семилетнему ребенку о том, что жизнь - это вам не шахматная партия и что надо помнить о погибших, беречь в памяти их недолюбленное, недожитое и ценить жизнь так, словно обязан долюбить и дорадоваться за всех, кто невинно пал под кровавым молохом фашизма. Быть может в этом и кроется главный секрет стойкости еврейского народа: помнить и жить.

Портрет Шагала

Домик с козочкой, Автор Пэн

Рассказ и письмо Л. Б. Блюмкина представила читателю Людмила Барановская.

Рассказ КОРОТКИЙ, КАК ЖИЗНЬ,

но за ним – и смерти, и спасенная Провидением жизнь.

Летом 1941 года подросток Азик Гликман гостил у родственников в Днепропетровске. Там и застала его война. Он хотел срочно вернуться домой к родителям в Борисово (Минской области) Там жила многочисленная семья, родственники по линии отца.

Но его не отпустили те, у кого он гостил: «Поедешь с нами». И эвакуировался Азик вместе с мамиными родственниками. Азик знал, что отец его, уходя на фронт, сказал своей семье укрыться в деревне Славное Витебской области. Он предполагал, что там будет безопаснее. В этой деревне тоже жили родственники жены. Она так и сделала. Взяла детей (всех, кроме Азика) и отправилась в Славное. Однако и в Борисове и в Славном Все родственники погибли.

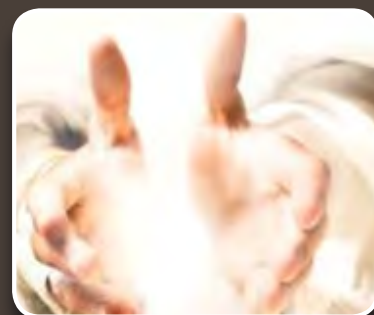
Отец Леонид Гликман погиб на фронте. Остальные, более 30 человек, убиты. Среди них дети, старики, и женщины.

Как должен жить человек, которого выбрала судьба, одного из тридцати? Задавал ли он себе вопрос: почему – я? В чем мое предназначение? Мы редко напрягаем свою душу, свой разум и свои чувства, чтобы задавать себе подобные вопросы. Живем и живем. А ведь мы все, каждый из нас, – тоже выбран. Вернее – избран! Избран – на жизнь. Чтобы понять это, не нужно многих знаний, достаточно элементарно вспомнить то, что теперь известно любому школьнику. Множество стремится, опережает всех – один. И через 9 месяцев приходит в мир людей. Один я – неповторимый. (Ну, если есть еще близнец, и даже если и третий, то все равно – каждый: «Я- один, неповторимый»)

Почему - Я? Для чего – Я? Чтобы есть, пить, наслаждаться? Чтобы народить себе подобных? Или вовсе отказаться от детей- с ними столько мороки!? Чтобы умножать свое состояние? Чтобы рваться к власти любыми путями? Завидовать? Злиться? Ненавидеть? Убивать? Или, чтобы творить добро? Любить? Спасать? Сделать, если не весь мир, то хотя бы часть жизни вокруг себя – лучше, чище, надежнее?

Возможно, мы так и не сможем четко ответить себе на эти вопросы. Важно даже не это. Важнее – задуматься.

N. N.

И пыль клубами всходит над дорогой

Макс Койфман

Воспоминанья – старости отрада (хоть редкий вздох доходит до небес). И только эхо знает, что не надо будить заворожённый к ночи лес. Воспоминанье – тихое скольжение смычка по струнам в неизбежный путь. Так скудный луч держает на мгновенье в клубящуюся бездну заглянуть.

Алла Айзеншарф

«Самое лучшее лекарство для тех, кто испытывает тревогу, одиночество или чувствует себя несчастным, – это удалиться куда-нибудь... Туда, где он останется один на один с небесами, природой и Богом». Эти слова тринадцатилетней еврейской девочки Анны Франк были написаны на чердаке дома, в Голландии, куда она с отцом, матерью и старшей сестрёнкой бежала из Германии, когда Гитлер пришёл к власти... Затем счастливая судьба сведёт меня с другой, давно уже повзрослевшей девочкой. Она, как и Анна Франк, тоже вела «Дневник», только не в школьной тетради, а в уголочках памяти, в стихах. Звали её Аллой. Аллой Айзеншарф.

Об этой удивительной девочке, которой чудом посчастливилось выжить в то жуткое время, и пойдёт моё обновлённое и дополненное повествование книги «На углях тлеет тишина», только теперь уже под новым названием – «И пыль клубами всходит над дорогой».

В первый раз эта шестилетняя девочка заговорила стихами летом сорок второго. Они находили её в гетто, в лагерях, на улицах Немирова. Они забирались к ней в заброшенных подвалах, сараях, на чердаках, в зарослях лопухов и камышах, где она вместе со своей сестрой пряталась от немцев, местных полицаяв и прочих недобрых людей. Девочка не знала, что её стихи тихо и незаметно «записываются» в уголочках памяти. Как и не знала, что в один из обычных будничных дней они неожиданно всплывут из дальнего забвения и зазвучат...

Глава 1

День разгорался как последний день

Всё началось с одного осеннего события в моём городе Бейт Шемеше, где поэт Исаак Нюрденберг инициировал презентацию солидного международного фолианта – книги «Долг памяти моей». Её авторами были поэты Израиля, Америки, Москвы, Екатерин-

бурга, Первоуральска и Риги. По понятной причине не все авторы могли приехать в наш город. И тогда Исаак Нюрденберг попросил меня прочитать на выбор их стихи. Когда он услышал, что я собрался выступить со стихами шестилетней девочки, то обрадовано удивился. Но предупредил, что у меня будет не больше пяти-шести минут. И чтобы хоть как-то сгладить досадную скупость регламента, утешил тем, что даёт мне право открыть презентацию книги со стихами этой девочки. Исаак Нюрденберг, будучи сам потрясён её стихами, тут же прочитал мне по телефону своё посвящение юному дарованию: «Я не могу все чувства передать обычными спокойными словами. Я задыхаюсь, не могу читать, пленён и ранен детскими стихами. Из сердца кровь над каждой строкой, хочу и не могу я оторваться. Отныне навсегда потерян мой покой, и с девочками буду я скитаться и убегать от смерти наяву, во снах своих, надеясь лишь на случай...». И уже на другой день в просторном зале Дома для людей «золотого возраста» я читал: «Кошка бездомная плачет, но кто её слышит? А в тёплых норах совсем иначе живут мыши. И ветер под крышу зарылся и спит на соломе. Он дома. И я дом вспоминаю и так хочу чаю. И чтоб дождь кончился скоро: холодно под забором. Мешок натянула на плечи, а он мокрый, и только начался вечер. Я, наверно, умру под утро. Я думала, умирать трудно».

«Так комары искушали – нет уже сил терпеть. Ничего не хочу хотеть, только чтоб про меня не знали. Лежу в камышах, распухающая, не могу разлепить глаза. И кашлять нельзя-нельзя: немцы слушают. Рядом они где-то идут с винтовками в гетто. Лягушонок смеётся, глупый, плачет кузнечик. А мне уже плакать нечем, и очень болят губы».

Украдкой взглянул на часы: мои жалкие минуты остались позади. Но я сделал вид, будто не заметил этого. И как ни в чём не бывало, продолжал:

«Листья в – клячья! Тучи – в клячья! Что-то будет этой ночью. Ветер пыль закручивает, страх меня замучивает».

«У рыжей кошки пять слепых котят, Они толкаются и кушать все хотят, И кошка подставляет им живот: «Ну, напе, вот». И хвостики вылизывает грязные, и сказки им рассказывает разные. И я смотрю на них до ночи самой и спать ложусь возле кошачьей мамы».

В притаившейся тишине зала чувствовалась безмолвная переключка ровесников

Макс Койфман

В прошлом – детский врач. Работал в Казахстане: в Кызыл-Орде, Чимкенте и в Израиле – в Иерусалиме.

Автор ряда монографий, книг, научных и публицистических работ.

Член Союза писателей Израиля.

Считает себя везучим на добрых и интересных и людей.

Увлекается литературой.

Любит футбол, баскетбол, шахматы.

Живёт в Израиле.

из недавнего прошлого. Поседевшие «дети войны», которым повезло уцелеть в те страшные годы, не хлопали. Они неслышно плакали...

И вот уже после презентации книги я узнаю, что эта, давно уже повзрослевшая девочка живёт в одном из городов Израиля. Тут же загораюсь желанием познакомиться с ней. И пока наводил справки, как её отыскать, позвонила моя давняя приятельница Шура Дашевская-Смолкина – председатель Ашкелонской организации детей, чудом выживших в гетто и лагерях. Зная, кем я интересуюсь, она с радостью кричала в трубку: «Макс, я нашла, я нашла твою девочку! У нас в Ашкелоне – в библиотеке Неве-Илан – пройдёт творческий вечер поэта Аллы Айзеншарф». И я, не раздумывая, понёсся в Ашкелон... За длинным столом сидела высокая статная женщина. Внимательные серо-голубые глаза. Гладко зачёсанные волосы стянуты пышным узлом на затылке. Но прежде чем познакомить нас, любителей поэзии, со своими стихами, она заметила, что на этот раз прочитает «взрослые» стихи, поскольку к стихам далёкого детства ей больно возвращаться. А я про себя подумал, что при случае обязательно прочитаю хотя бы парочку из того самого «далёкого детства». Алла читала стихи по памяти. Читала тихо, спокойно, будто прислушивалась к гармонии звуков её одной знакомого инструмента, ею самую настроенного.

«Не сравнивайте боль ни с пламенем, ни страстью, ни с чёрною нуждой не сравнивайте боль. Она приходит вору, как летнее ненастье, как оклик в тишине, сверкнувший исподволь. Но если у Творца, где что ни миг, то встреча, звезда восходит ввысь, звезда слетает вниз. О, боль моя – любовь! Тебе я не перечу. Я только знать хочу, что без тебя мне жизнь!?»

«До завидного просто счастье в сути своей: колыбельные гнезда на руках у ветвей, в сладкой дрёме акаций – пчелиная прыть. И не надо казаться, достаточно – быть муравьём озолтелым, перепевом скворца, неоконченным делом в мастерской у Творца»...

«И этот день уходит понемногу, в торгах, молитве, песнях и пальбе. И кто молчит, тот говорит о Боге, а говорящий – больше о себе. И пыль клубами всходит над дорогой, и кто-то тонко плачет на трубе».

«Мы чуда жаждем, но забыли смотреть поутру в небеса. А на земле в дыму и пыли иное режет нам глаза. Блеснёт в луче осколок бритвы, сверкнёт в тумане ярость фар, крыло костра, а там – пожар, а там – поспешный жар молитвы, а там – и Ангела слеза. Предтеча? Встреча? Голоса...».

И вот он, мой «счастливый случай»! Алла представила меня залу: «Этот гость из города Бейт Шемеш, тоже из «детей войны». Он ищет девочку шести лет, автора стихов,

которые так тронули и взволновали его. Девочку зовут Алла. Алла Айзеншарф».

И все, кто был в зале, повернулись в мою сторону. Мне бы обрадоваться, улыбнуться, но почему-то стало не по себе. Может, не на своё поле забрался. В зале сидели поэты, прозаики, а тут я – никому не известный пришелец из города Бейт Шемеша. Осторожно прошёл взглядом по залу и перед тем как начать читать, буквально в трёх-четырёх словах выразил, чем меня тронули и покорили стихи этой девочки...

«Если б я была его собакой, я бы немцу руки искусила, а потом бы спряталась в овраге и смеялась и бока лизала».

«Совсем дурные немцы эти стали: стреляют в небо, как в людей стреляли. А если пуля долетит до солнца и весь огонь из солнышка прольётся? И станет днём темно-темно, как ночью, и даже птичка цвиркать не захочет?»

«Я в белой ванне купаться хочу, потом молоко пить из белой чашки, потом в белой пушистой рубашке – к папиному плечу. Столько сразу хочу. А тут в сарае во все щелки ветер просовывает иголки».

Меня слушали. Мне хлопали. Потом были вопросы... после которых Алла продолжила читать...

«Жуёт волна крупчатый песок, вздыхает по-старушачьи протяжно. В каких веках, у чьих плескалась ног, что открывала берегу – неважно. Настанет ночь, и звёздная река намочет вновь песок на берега».

«Во сне брожу в лесу воспоминаний, где каждый знаем, каждый безмянен. Ночь в вышине звенит звездой редкой. Так хочется рукою тронуть ветку, прильнуть к стволу, затихнуть и согреться, и вдруг услышать: чьё-то бьётся сердце»...

Затем Шура Смолкина-Дашевская пригласила Аллу и меня к себе домой. На ужин. И сделала это не случайно: она была из того же города Немирова и гетто, что и Алла Айзеншарф...

За ужином Алла рассказала: «Война вышвырнула меня и сестричку Мэрочку на улицу. Уже убит в погроме папа. Мама далеко в лагере. Родительский дом – недавняя сказка – стоит, как стоял. Но там – немцы. И мы, две голодные затравленные девочки, держась за руки, бродим и бродим по улицам Немирова. Мне – шесть, Мэрочке – десять. Мы не смеем подойти ни к одной калитке, ни к одному окну. Вот в такое время, летом сорок второго года, и заговорили мои первые «стихи». Я не меняла в них ни одного слова не только потому, что «автору» шесть лет...».

Тогда, за столом, я мысленно пытался представить двух худеньких девчушек, которые копались в мусоре, в опустевших огородах и радовались, если находили помидорину, огурец или морковку. Забирались они и в

Алла Айзеншарф родилась в Немирове, в Украине. Прошла через два гетто и лагеря. Окончила медицинское училище в Бендерах, Литературный институт Союза писателей в Москве. Работала и жила в Молдавии и Сибири. В Израиль приехала в 1988 году. Живёт в городе Ашкелоне. Член Союза писателей Израиля. Лауреат премии «Олива Иерусалима» и премии имени Давида Самойлова. Автор 18 поэтических сборников.

сад. Скрывались в камышах, у речки, где их донимали комары. Таились на чердаке, где, зарывшись в сено, проваливались в сон. Засыпали под старой орешинкой, где у них был припрятан мешок с соломой, заменявший им матрац. Прятались и в густых зарослях лопухов...

В тот памятный вечер Алла подарила мне одну из своих книг. Стоило мне раскрыть её первые страницы, как я сразу же окунулся в чудесный образный стихотворный мир, который не отпускает меня и по сей день. Такова власть талантливого поэтического слова!

«Уже ресницы оплела дремота, в ней золотые вязнут мотыльки. Но есть ещё тревожащее что-то. И неземная, жуткая свобода из чёрных высей веет на виски.»

«Мы как ветви в саду, друг на друга навешены. Мы с собой не в ладу – то святые, то грешные. Не желаем понять муравьишку под ношею. И опять, и опять на кругу свои сброшены. И опять, и опять, высоте не обучены, устрашаемся случаю умереть, умирать».

«Нет сорных трав. Где луг, там разнотравье. Иди своей дорогой, человек».

«Уходят те от нас, уходят эти, всё тише и неслышнее шаги. И недруги уходят, и враги, и мы уже одни на белом свете»...

Ной Осипович Айзеншарф, отец Аллы и Мэрочки, отличался необыкновенной добротой. У него были светло-голубые глаза, волнистые чёрные волосы и чудная улыбка. Как он гордился своими весёлыми и озорными девочками. Часто баловал их вечерними прогулками по тихим улицам города. Работал он главным бухгалтером на спиртовом заводе. Помогал людям и добрым словом, и деньгами. А когда ему их возвращали, удивлялся: «Так вы, вроде, мне ничего не должны». В свободные вечера он читал или писал пьесы для местного драматического театра...

Тойба Самойловна, так звали маму Аллы и Мэрочки, была из многодетной семьи. Работала воспитательницей в детском доме. Дети любили её, она была для них как мама. Тойба говорила по-русски, по-украински, знала идиш и без особых затруднений общалась на немецком языке. По воскресным дням она обычно бралась за швейную машинку и шила или перешивала девочкам кофточки, платица...

К Ною она относилась как к большому ребёнку: то он шарф забыл надеть, то шляпу, то калоши... Боялась, чтобы он не простыл, на что он снисходительно отвечал: «Чему быть, того не миновать». Если у них и были разногласия, то только в воспитании девочек. Тойба могла и накричать на них, и поругать, но Ной только расстраивался, говоря, что ничего страшного не случится, если они пошлют...

В Немирове жил Иосиф, старший брат Тойбы, добряк с золотыми руками. Кому печь выложит, кому крышу починит, кому погреб выкопает, кому сарай поправит, кому чердак побелит... Он всё это делал бескорыстно. У Иосифа была умница-жена: заботливая, хлопотливая. Она поддерживала чистоту, любила вкусно стряпать и шить. В семье росли три бойких мальчугана. Вот только эту семью погубила война...

Алла, она же Шарлотта, она же Шеличка, она же Галя. Родилась в Немирове: в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, только 137-ю годами позже. Самая маленькая в доме, Шеличка, как никто вокруг, радовалась всем явлениям сущего: воробышку, разноцветной бабочке, стремительному полёту стрекозы... Никто не восторгался так сиренью, что цвела вокруг дома, как она, тополем, который отец посадил в день её рождения. И никто в доме не любил так забавных котят, собачку Жанку и ничейного козлёнка, как она. Выброшенных котят Шеличка подобрала возле калитки. Хромоную Жанку с чёрными пятнышками на белой спинке она заметила за углом дома. Блудный козлёнок с чёрной бородкой, которого отовсюду гнали то ли из-за лишая, то ли из-за худобы, то ли из-за какой другой хворобы, сам пожаловал к ней. Алла играла со своими найдёнышами как с маленькими детьми: она кормила их, купала, гладила, на прогулку выводила. Разумеется, не без «присмотра» Мэрочки и отца. Но необычной «квартиранткой» всё же была Жанка с подбитой ножкой. Она охотно заигрывала с котятами, гонялась за ними, как за мячиком, или кувыркалась на зелёной траве. Не давала она скучать и грустному козлёнку. Но больше всего Жанка вертелась возле Шелички – их маленькой хозяйки, с которой всегда было весело и шумно. Одно было плохо: хромоножка почему-то недолюбливала гостей. Обычно она забиралась под стул, на который садился гость, кусала его и тут же убегала во двор – под какой-нибудь куст сирени. Алла – за ней, укоряя «хулиганку» за наглость. Хромоножка стыдливо опускала голову или закрывала глаза, мол, поняла, и больше не буду... Особенно Жанка донимала соседку, когда та проходила вдоль забора. Жанка скалилась или лаяла до хрипоты. Вот и злилась соседка, ехидничая: «Да, что с них возьмёшь? У них и старшая – Мэрочка, и младшая – Шарлотта, даже хромоножку и ту Жанкой кличут».

Мэрочка росла шустрой и весёлой девочкой. У неё были роскошные каштановые волосы, голубые глаза, нежный овал лица, аккуратный носик и ровные зубы – столбиками. Когда же к Мэрочке навевывались подружки поиграть или к урокам подготовиться, Алла тут же отправлялась в свою комнату, ведь «малышке» со старшими девочками делать

нечего. Но больше Алла со своей «детворой» играла под стволом горбатого дерева, согнутого над землёй – как длинная скамеечка. Как звали то дерево, Алла тогда не знала, но помнила, как оно цвело. Жёлтенькие флакончики цветов издавали удивительный аромат на всю улицу. Люди, проходя мимо, останавливались, вдыхая в себя этот чудный запах. Алла нередко забиралась на ствол этого «карлика» и, свесив ноги в разные стороны, шепталась с ним, доверяя ему свои тайны. Ей казалось, что он понимал её, вот она и рассказывала ему о своей весёлой четвероногой «детворе»...

От Мэрочки Алла узнала и про длинные слёзы дождя, которые льются, пока не выплываются. Рассказывала Мэрочка и про танцующие снежинки, что сбегают с неба, и про росу, что светится на утренней траве, и про заманчивый полёт птиц...

Бабуля Сося, мамина мама, тихая, незаметная женщина, без единой морщинки на лице. Когда солнце уходило на покой, она обычно поливала цветы, а днём – дремала на веранде, или что-то читала, или штопала. Но больше дремала. Однажды, когда бабуля заснула, Алла подкралась к маминому столу, сняла с него пудреницу, духи, губную помаду и – к бабуле, на веранду. Высыпала пудру на её и без того белые волосы, полила их духами «Красная Москва», да ещё разукрасила щёки помадой. Когда же Тойба увидела этот весёлый «карнавал» на бабушкином лице, то отшлёпала Аллу так, что она по сей день это помнит.

Дедушку Самуила, отца мамы, ни Алла, ни Мэрочка ни разу не видели: он умер до их рождения. Они только знали, что дедушка долгое время заготавливал дрова для знатного имени княгини Марии Григорьевны Щербатовой.

У Аллы с Мэрочкой была тётя Эля, родная папина сестра. Муж её когда-то бежал из Польши. В тридцать седьмом за ним явились люди из особой конторы, и больше его никто не видел. На тётю Элю показывали пальцем: «Ну что, допрыгался твой муженёк?!» Летом сорок первого, когда в город Немиров вошли фашисты, они убили и тётю Элю, и трёх её сыновей...

Долгое время в семье Айзеншарфов жила домработница тётя Фрося. При ней всё в доме блесело. Если она видела, что Тойба что-то положила не туда, куда надо, могла и накричать: «Ты шо, не бачыш, дэ ей буты?!» Алле с Мэрой тётя Фрося не сразу приглянулась, они даже побаивались её. Больно вид её был неприветлив: рослая, грубое лицо, низкий голос, тяжёлые руки... Но со временем девочки подружились с ней. Она оказалась доброй и с очень нежной душой. Бывало, как только Тойба наказывала своих девчонок, Фрося тут же встречала: «Вони гарні дівчата!» Когда девочки громко шумели,

ли, Фрося и здесь вставляла: «Аж на третий Яр слышен ваш базар».

Город Немиров тогда (как, впрочем, и сегодня) славился не только спиртово-водочным заводом, именем княгини Марии Григорьевны Щербатовой с его великолепным дворцом, парком и огромным прудом. Но ещё и тем, что в нём родился поэт Николай Некрасов, жила писательница Марко Вовчок. Там отдыхал Пётр I, полководец Александр Суворов, писатель Оноре де Бальзак... В годы Первой мировой войны княгиня Щербатова организовала лазарет, где сама работала сестрой милосердия. Да ещё привлекла трёх дочерей Петра Аркадьевича Столыпина, на одной из которых был женат сын Марии Щербатовой... Но как только в Немиров пришла власть Советов, она и княгиню не пощадила, ни её дочерей Александру и Марию, ни дочь Столыпина – Ольгу.

Глава 2

Пришла война – и кончилась война

Уже который день шла война. Немецкие самолёты забрасывали город бомбами. Повсюду слышались крики, бежали и падали люди. Когда же Алла увидела, как красноармейцы срывали ветви деревьев и прикрывали ими зенитки, она заплакала. А потом попросила маму, чтобы она поговорила с главным командиром, пусть его красноармейцы больше так не делают, потому что деревьям тоже больно... При налёте немецких самолётов семья Ноя спускалась в подвал, который находился под полом веранды их дома. Но стоило Алле увидеть оконные стекла веранды в сплошных дырочках, как она, обрадовавшись, закричала: «Папа, папа, смотри, сколько солнышек!» «Нет, доченька, это не солнышки, это следы от пуль».

«Был ветер, ветер, и неосторожно день разгорался, как последний день. И говорила об одном и том же, о чём-то женском, тучная сирень. Вздыхала руки, осыпала росы, пчёл зазывала на короткий пир. А мир ещё не чувствовал угрозы, ещё сиренью задыхался мир и в спальне лепестки кружил без спроса».

«Сгущался мрак, чадили факелы, и ветры – демоны толпы – то смерчем шли на нас, то плакали и разбивались о столбы. И что-то дыбилося зловещее, чему ещё названья нет. Никто не знал, кому заветно увидеть завтрашний рассвет. И причитали громко женщины, казалось нам, из бездны лет».

Как только тётя Фрося собралась в деревню к своим родителям, Тойба надавала ей всяких вещей, мол, бери, и нас когда добрым словом вспомнишь. «Я же столько не упру», – отбивалась Фрося. «Будешь много говорить, ещё подброшу!» – «угрожала» Тойба. «Может, скоро всё уладится...». «Нет, Фрося... слишком быстро наши тикают...».

На фронт Ноя Айзеншарфа не брали из-за ревматизма, который чуть ли не с малых лет напоминал ему о себе. На заводе, где он работал бухгалтером, ему выделили пару лошадей с телегой, чтобы на какое-то время покинул город, пока красноармейцы не прогонят немцев. Дорога была забита беженцами, подводами и машинами с семьями городского начальства и работников местного Дома отдыха. Но на выезде из Немирова немцы как с неба свалились. Остановили беженцев, забрали у них машины, телеги с лошадьми и велели возвращаться... А вскоре в дом Ноя вошёл немец с полицаем.

– А ну поднимайся, жидовская морда! Видишь, новая власть пришла! – вопил полицай, выслуживаясь перед немцем.

– Их бин кранк. Я болен, – отвечал Ной, надеясь на благодушие немца.

– Кранкать будешь за городом, с лопатой, а пока натягивай штаны и – на работу!

– Но вы же видите...

После очередного пинка Ной с трудом поднялся с постели, оделся и направился к выходу под дулом карабина. А Тойба, глядя на немца с полицаем, послала им в спину на идише: «Злые ветры на наших врагов»...

Поздно вечером Ной с большим трудом дотащился домой: с опухшим лицом, синяками под глазами и с пятнами крови на рубашке и пиджаке. А два месяца спустя немцы с полицаями повытаскивали евреев из домов и погнали к окраине города – в гетто. Крики, вопли, лай овчарок. Автоматные выстрелы заполняли улицы и переулки города. Больно было слышать, как среди жителей, которые наблюдали за обезумевшими людьми в толпе, раздавались отдельные выкрики: «Так вам и надо!», «Туда вам и дорога!» Но за что? В чём провинились они? А потом всё те же крикуны бросались в опустевшие дома и тащили оттуда всё, что только могли: посуду, постельное бельё, продукты. Уводили коров, хватили кур, гусей... И руки у них не дрожали, и совесть их молчала...

«Немцы кричат во дворе и ломают зачём-то забор и кусты. А мама звезду на рукав пришивает зачём-то. Не для красоты. Потом узелок отрывает зубами и долго жуёт. И молчит мама».

В гетто несчастных ждали не то две, не то три улицы, которые были отгорожены колючей проволокой и сторожевыми вышками от остальной части города. Семье Ноя досталась небольшая комнатка в какой-то захудалой хатёнке семьи еврея-водовоза. На кровати едва умещалась вся семья Ноя. Рядом стоял небольшой столик, прикрытый рваной клеёнкой. А в самом углу возле входной двери выпирал старый шкаф, куда Ной с Тойбой затолкали всё, что успели прихватить с собой.

Было по-осеннему холодно, никто не знал, чем закончится этот кошмар. Несчастных мучил голод, донимали болезни... Полицай,

что сторожили гетто, никого не выпускали. Когда же кто-то из местных пытался бросить через проволочную изгородь ломоть хлеба, картошину или луковицу... их тут же гнали матом и выстрелами в воздух...

Гетто ещё спало, когда 24 ноября сорок первого года раздались ужасающие крики, вопли, лай овчарок и выстрелы. И – пугающий стук в дверь. Пока стучали, Ной затолкал Аллу с Мэрочкой под кровать, туда же он велел забраться и Тойбе. Но она заупрямилась: «Полезай ты!» «Нет, ты!» – настаивал Ной. «Нет, ты!» – упиралась Тойба. Тогда Ной с силой заставил Тойбу залезть под кровать, к дочкам. Туда же он протолкнул таз, кастрюлю, ведёрце с метлой и опустил одеяло до пола. А сам стал возле распахнутого окна, чтобы подумали, что его Тойба с детьми уже там, в толпе. Когда же через выбитую дверь в комнатку ворвался полицай с немцем, они выкинули из шкафа всё, что там было. И, не найдя ничего такого, что бы им пригодилось, они заглянули под столик. И тоже – ничего. Но под кровать почему-то не посмотрели. Когда Ноя выводили, он успел произнести в «пустоту» на идише: «Больше я вас никогда не увижу». Это были его последние слова, что слышала Тойба с девочками.

«...Так я к папе на руки хочу! Но я не плачу и не кричу. Если б тогда нас вместе убили, мы бы вместе и были».

Дрожа от страха и холода, они всё ещё лежали под кроватью, боясь шелохнуться. Когда же гетто погрузилось в тишину (погром продолжался строго до трёх часов дня), Тойба выбралась на улицу. Она знала, что в соседнем доме был погреб. Подкравшись к нему, она осторожно отодвинула сани, что прикрывали вход в погреб, подняла крышку. – Это я, Тойба!

Но там молчали. Тогда она ещё раз повторила:

– Это я, Тойба!

Когда оттуда послышалось «мы здесь», Тойба прошептала:

– Я сейчас!

Сначала она привела Аллу и попросила, чтобы её подхватили. Не успели. Когда Аллу опускали в погреб, она вывернула обе лодыжки, так потом и шла на скрученных ступнях. Мэрочку – удержали. Теперь только кому-то в голову пришла мысль, что в погребе лестница, которую убрали на случай, если кто-то из полицаяв нос туда сунет. Тойба спустилась в погреб, где её ждали слёзы Аллы, у которой ужасно болели ноги... В Немирове только и говорили, что за день немцы с полицаями убили не то девять, не то десять тысяч евреев. А тех, кого не успели, погнали обратно в гетто... Только Ноя среди них не было...

*Продолжение следует....
(Рассказ печатается в сокращении)*

Розыск людей, связь с которыми прервана

Редакция журнала «Судьбы Холокоста» СОВМЕСТНО с Управлением абсорбции г. Хайфа, (Израиль) Координационным Центром розыска родных и близких «ЖДИ И НАЙДИ МЕНЯ» объявляет о Поиске следующих людей:

•••

Самойлова Роксана Лазаревна рождённая в 1940 году в г. Харькове, Украина. Разыскивает названного брата Мишу, спасённого её матерью Валентиной Якимовной Ивановой во время Холокоста от фашистов и проживавшего у них в семье. В 1946-1947 годах Мишу забрали его приехавшие родственники.

•••

Самойлова Роксана Лазаревна рождённая в 1940 году в г. Харькове, Украина. Разыскивает названного брата Мишу, спасённого её матерью Валентиной Якимовной Ивановой во время Холокоста от фашистов и проживавшего у них в семье. В 1946-1947 годах Мишу забрали его приехавшие родственники.

•••

Стукалов Владимир Леонидович, родившийся в 1947 году в г. Иркутске, (Россия.) разыскивает тётю Хасину Антонину Моисеевну, рождённую в 1933 году, в г. Иркутске, (Россия). Связь с Хасиной Антониной утеряна в 1968 – 1970 годах.

•••

Захаров Александр Александрович, рождённый в 1983 году в Москве, Россия. разыскивает тётю Полонскую\девичья\ Ингу Георгиевну 1950 - 1955 года, рождённую в г. Москва, (Россия) и её родных. Связь между их семьями утеряна в 1960 году.

•••

Людмила Зиновьевна Барановская, родившаяся в 1927 году в городе Новоукраинка Одесской области (Украина)

разыскивает родственников ГРИШИ и ВЭЛИ РЕЗНИКОВЫХ, проживавших до ВОВ в городе Макеевка Донецкой области (Украина), но вместе с их тремя детьми были расстреляны фашистами на краю Шахты в 41- 43 году. Все родственники Вэли и Гриши Резниковых во время войны жили в Макеевке в одном дворе на 18 –той линии.

•••

Сюзанна Ароновна Уманова, родившаяся в городе Фрунзе (Киргизия) в 1940 году

разыскивает тех, кто знает и может сообщить об её отце, рядовом Уманове Ароне Михайловиче, рожденном приблизительно в 1916 году и пропавшем без вести в 1942 году под Москвой.

Телефоны для связи с Координационным Центром:

каждый четверг

с 11:00 до 13:00

04-8642428

ежедневно

с 11:00 до 21:00

0544-833258

– Анатолий.

С уважением

Координатор Центра

“Жди и найди Меня” г. Хайфы,

Фельдман Анатолий

Отыскать бы мне брата
из небыли,
и найти бы могилу отца...
Кто поможет мне?
Люди ли, Небо ли?
Эта Память во мне —
до конца.

Е. Евтушенко

Бингхем ЧЕТВЕРТЫЙ

Более полувека строились всяческие препятствия любой попытке почитать Бингхэма.

Бингхем был одним из семи сыновей бывшего губернатора штата Коннектикут и сенатора США Хайрама Бингхэма III и его жены, Альфреды Митчелл, наследницы «Тиффани и Ко» - фирмы её деда Чарльза Л. Тиффани.

Его прадед Хайрам Бингхэм I и дед Хайрам Бингхэм II были первыми миссионерами в Королевстве Гавайи. Хирам Бингхэм III был первооткрывателем руин инкского города Мачу-Пикчу.

Бингхем IV учился в престижной школе Гротон и окончил Йельский университет в 1925 году. Во время поездки в Лондон он встретил Роуз Лоутон Моррисон, которую он сопровождал в Букингемский дворец на встречу с королевой. Впоследствии они поженились и имели 11 детей.

Гарри поступил на дипломатическую службу и в 1939 году был назначен вице-консулом США во Франции в Марселе. Правительство Президента Рузвельта не позволяло своим представителям выдавать визы евреям. США соблюдали нейтралитет, не желая раздражать марионетное правительство Вишистского режима маршала Пэтэна. Бингхэм считал такую политику аморальной и, рискуя своей карьерой, делал все возможное, чтобы нарушить запрет.

В нарушении распоряжений своих Вашингтонских боссов, спасая евреев, он выдал свыше 2500 виз США еврейским беженцам, в том числе художникам Марку Шагалу и Максу Эрнсту, и семье писателя Томаса Манна.

Он также прятал евреев в своем марсельском доме и выдавал поддельные документы, помогая евреям в их опасных перемещениях по Европе.

Он сотрудничал с французским Сопротивлением для переправки евреев из Франции во франкистскую Испанию или через Средиземное море, оплачивая расходы из своего кармана.

Для Госдепартамента США Хирам Бингхэм IV был членом дипломатической службы, нарушившим субординацию, и опасным диссидентом, который в последствии был разжалован.

В 1941 годы Вашингтон потерял терпение и перевел его в Аргентину, где позднее он досаждал руководству, докладывая о перемещении туда нацистов.

В итоге он был уволен из дипломатической службы.

Очень немного было известно о его выдающейся деятельности. Бингхэм умер в нищете в 1988 году.

Бингхем не рассказывал много о своих действиях во время войны. Его собственная семья узнала о них только после смерти Бингхэма. В 1991 году вдова Бингхэма Роуз и сын Томас обнаружили документы из Марселя в доме в Коннектикуте. Эти документы они пожертвовали Мемориальному музею Холокоста в США. Через несколько лет младший сын Бингхэма нашел документы в шкафу за дымоходом, и члены семьи продолжали находить документы в доме. Материалы рассказывают о борьбе Бингхэма за спасение немецких и еврейских беженцев от смерти, детали которой долго были скрыты от общественности.

После рассмотрения дела Бингхэма в годы войны, после его смерти, он был признан героем.

Яд ва-Шем (Израиль) выдал семье Бингхэма благодарственное письмо от 7 марта 2005 года. Хотя это и не присвоение звания Праведника народов мира, в письме отмечались «гуманные распоряжения» Бингхэма IV «в период гонения на евреев со стороны режима Виши во Франции»

27 июня 2002 года Госсекретарь США Колин Пауэлл вручил посмертную награду «Конструктивное несогласие» детям Бингхэма на церемонии награждения Ассоциации Сотрудников американской дипломатической службы в Вашингтоне, округ Колумбия.

С декабря 1968 его сын Роберт Ким Бингхэм-старший предложил Почтовой службе США издание марки с изображением своего отца в знак признания его гуманных дел. Это получило широкую поддержку обеих партий в Конгрессе; марка была выпущена 30 мая 2006 года.

27 октября 2006 года, Бингхэм посмертно был представлен к награде «Мужество спасти» на национальной конференции АДЛ в Атланте. В ноябре 2006 года Епископальная церковь США добавила Бингхэма в список «американских святых», опубликованный в книге «Год с американскими святыми» с краткой информацией о его жизни и характере.

*День всемирного ДНЯ ХОЛОКОСТА
почтим его память.*

Бингхэм IV

Три недели дышала земля

(Днепропетровская область. Ст. Долгинцово).

О семье Коганов.

Семья вся погибла. Жена была на трассе. Работала. А дети – дома. Две девочки. Прощел слух, что детей закрывают, собрав в один какой-то дом.

Она побежала повидаться с детьми. Ее схватили. Поймали и увели.

Больше ее никто не видел.

Так же погибли и мои родители.

Рассказывали очевидцы, что в шахте «Валевка» творилось что-то ужасное. После того, как на протяжении нескольких месяцев в неё бросали живых людей, сама природа, казалось, не выдержала этих зверских злодеяний фашистов. Глубина и узкие каналы шахты создали естественное усиление звука. Сила звуков голосов медленно умирающих людей, раздающихся из шахты, регулировалась природой в зависимости от состояния природы, вернее, погоды. Стоны то были едва слышны, то совсем затихали. Но чаще всего звучали, разрывая сердца людей долгими громкими криками, словно усиленными мощными микрофонами. Шум, сопровождавший стон, пересекался порой звуками, похожими на гром. Все это было слышно в любом уголке села. Страшное, долго не прекращавшееся испытание для всех, кто еще был жив. Не спасали закрытые окна и двери. Необъяснимое сумасшествие, грозное явление природы.

Эти звуки, по рассказам очевидцев, вре-

зались в память, в плоть и дух, в само существование людей, слышавших их – на всю жизнь. Такое не забывается до конца дней.

Через много лет, свидетели этой трагедии рассказывали, что каратели приказали засыпать шахту.

Три недели «дышала» земля.

И еще одно, не менее трагическое зверство, произошло там же. Его ни разумом, ни интуицией невозможно, принять, забыть и простить. Взрослых убивали не сразу, спустя некоторое время, как говорится, убедившись, что люди уже обессилены и толку от них хозяевам – завоевателям не будет уже. Так сказать, отработанный материал. Взрослых бросали в шахты. А для детей существовала «привилегия». Для них выделялись пули. Они предназначались только для грудных детей. Звучала команда поднять детей вверх на руках. И тут же – выстрелы. Эта изощренность нечеловеческого зверства непостижима нормальному человеческому разуму, не помраченному сумасшествием.

Как они жили потом, эти убийцы? Как сидели за стол и преломляли хлеб? Как гладили головки своих детей? Как любили своих матерей?

Война убивает, не только лишая людей жизни. Едва ли не страшнее, что она убивает души живых.

По просьбе автора статьи редакция не публикует его имя.

Обожженные Холокостом

Мне было 6 лет, когда началась война. Жили мы в моем любимом городе Одессе. Бабушка, дедушка, папа, мама, мамин брат шестнадцати лет и я с сестренкой, на два года младше меня. Папа работал художником, а мама училась в фармацевтической школе. Семья было дружная и певучая. Любили петь. Дедушка играл на мандолине, а мы пели. Дед был у нас веселого характера. И работающий, всякое дело у него ладилось. Он, когда мы, его внуки, чуть – чуть подросли, сделал в комнате перегородку, и у нас появилась своя квартирка, хоть и маленькая, зато отдельная. Дедушка соблюдал еврейские традиции, а работал в магазине на Пересыпи. О приближении войны говорили. Но мало, кто верил. И все началось совершенно неожиданно для нас и страшно. Полетели бомбы. А одна разорвалась так близко около нашего дома, что нас с сестрой засыпало. Дедушка откапывал нас.

С первых дней войны ушли на фронт мамина сестра и её муж. Получил повестку и наш папа.

Мы провожали его до Пушкинской. «Береги детей», - сказал он маме. И больше мы его никогда не видели. Было от него с фронта одно письмо.

Началась эвакуация. За нами заехала машина, нас отвезли в порт. Почему-то только маму и нас, детей. Я не знаю, почему не поехали дедушка и бабушка. Помню, как она махала нам на прощание платочком.

Плыть было очень страшно: перед нами подорвался на mine теплоход «Ленин», почти все пассажиры на нём погибли. Нам повезло. Мы доплыли до Новороссийска.

А там нас погрузили на товарники. В вагонах было тесно и душно. Моя сестренка была на руках у мамы. Она все время плакала. В вагоне я сдружилась с девочкой по имени Сара. Мы играли в уголке.

Вдруг мы услышали крик: «Самолеты!» И тут же страшный гул. Началась бомбежка. И все. Больше я ничего не помню. Очнувшись в какой-то мгле. Слышала

душераздирающие крики, но подняться не могла. По моей шее текла струйка крови. Потом я поняла, что чем-то завалена. Этот завал меня спас.

Я все-таки выбралась кое – как и увидела ужасную картину. Наш вагон горел. Вокруг – трупы людей. Моя новая подружка Сара лежала мертвая. Какой-то мужчина тянул чемодан с вещами. Мне стало страшно. Я начала кричать.

Но никого рядом в живых не было, а мужчина не обращал на меня внимания. Я побрела, сама не знаю куда. Вдруг меня кто-то окликнул. Я увидела девушку, которая тащила волоком женщину с раздробленным коленом. Ида, так звали девушку, сказала мне, что надо быстрее идти до лесопосадки. Там можно укрыться.

В лесу мы посидели до сумерек. Когда стемнело, стали приезжать машины и собирать оставшихся в живых людей. Нас поместили в какое -то здание. Там было много людей. Девушка сказала, чтобы я никуда не уходила, она пойдет, поищет что-нибудь поесть.

Мы были очень голодные.

Через некоторое время она вернулась радостная: «Я нашла твою маму!». Я не сразу узнала свою маму. Одежда не ней была почти вся сожжена, мама была полубогаженная. Вместо одежды – какое-то тряпье.

На следующий день мы ходили по дворам и собирали одежду. Документы наши и одежда – все сгорело. Но нам повезло. Мы остались живы. Наконец каким-то попутным составом, направляющимся в Сибирь, мы доехали до Новосибирска. Там мы прожили до конца войны.

Вернулись в Одессу и узнали, что наша квартира занята.

А дедушка, бабушка, мамин брат – все расстреляны фашистами.

Папа так и не вернулся с фронта.

Ида Сигал

«... Фашизм — это просто. Более того, фашизм — это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов. Соответственно, фашист – это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими и при этом активный поборник «железной руки», «дисциплины-порядка», «ежовых рукавиц» и прочих прелестей тоталитаризма. И все. Больше ничего в основе фашизма нет. Диктатура плюс национализм»

Борис Стругацкий, писатель.

БОМБЕЖКА

Когда самодеты улетели

Шахта «Валявка»

Я родилась в Калиновке Широковского района Днепропетровской области. Село было сугубо еврейским, детей так учили на идиш, а во главе колхоза были евреи. Возле села Широкого течет река Ингулец, это в 15 километрах от моего села. Там же было еврейское местечко Ингулец.

Рядом шахта «Валявка», где добывали руду. В 1941 году в мирную жизнь колонии ворвалась война. О необходимости эвакуации мнения разделились. Пожилые евреи, помнившие немцев на Украине в 1918 году и имевшие деловые контакты близлежащей немецкой колонии, считали страхи преувеличенными и отъезд не обязательным. К рассказам беженцев из приграничных районов отнеслись без должного внимания. Накануне оккупации часть жителей всё же решила эвакуироваться. Погрузив самое необходимое на подводы, двинулись по направлению к Красному Поду. Вошедшие 8 августа немцы их догнали и вернули всех. Пронемецки настроенные жители колонии – украинцы с приходом немцев начали бросать камни в окна еврейских домов. И вот в 1941 году пришли в село немцы.

Всех евреев, не успевших уехать, согнали к шахте. Массовые убийства начались 16 сентября 1941 года. Длелись они долго. Несколько месяцев. Много недель жители ближних сел слышали из шахты крики, стоны. Некоторые из жалости бросал туда хлеб.

Там погибло более 5000 евреев.

В этой шахте лежат мои родственники с маминой стороны, более 50 человек. У моего деда Меира Рогова было 12 детей. Семьи его сыновей, которые ушли на фронт, все оказались в этой яме: жены, дети, все, кто, включая и старых, остался дома, кто не успел уехать.

Это судьба моего народа. Судьба моего рода.

Разве можно об этом молчать? Молчать, значит – погубить память. Дважды убить. Память об убиенных должна жить вечно.

Дора Херсонская.

ПАМЯТЬ

ДОРОГА В ГЕТТО

Пустая колыбель. Подсвечник без свечи.
Надгробье... Да имён на нём затёрты строчки.
Открыта настежь дверь. Хозяев не ищи.
Можно зайти и взять всё, что захочешь...

Как поминальная свеча, звезда одна горит.
В углу вот вещмешок. В нём скарб нехитрый очень.
Для дальнего пути костыль в углу стоит.
Можно зайти и взять всё, что захочешь...

И несмолкаем гул. И бесконечен путь.
И слёзы безысходности туманят очи.
И не объять всю боль, всей жизни жуть.
А дверь открыта - можно взять всё, что захочешь...

Идёт седой старик. А рядом - внук его.
Идут мужчины... Женщины... И днём, и ночью.
И это - это всё... Нет больше ни-че-го.
А дверь открыта - можно взять всё, что захочешь...

П. МАРКИШ

*Перевод Сары Зингер
(также написала музыку на эти слова)*

Сара Зингер

ВЕРЬТЕ ТЕМ, КТО ОБЕЩАЕТ ВАС УБИТЬ

(такое вот мнение бабушки, выжившей в Холокосте)

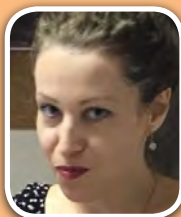
"...В Израиле узники концлагерей встречались с местными школьниками и рассказывали о Холокосте. Ну, как у нас ветераны встречаются.

В общем рассказали, потом учитель школьников поднимает и их спрашивает какие они выводы сделали. Те грамотно так отвечают, что, мол, надо уважать людей, которые такие испытания пережили, ценить мир на земле и все такое.

Седенькая старушка, пережившая то ли Освенцим то ли Майданек, вежливо кивала головой, а потом с горечью улыбнулась и сказала, что это все правильно, конечно, но главный вывод должен быть совсем другой.

ЗАПОМНИТЕ НАВСЕГ-

Алиса Ягубец
(Москва Вуз USM (MGU))

ДА, сказала она, - что если кто-нибудь где-нибудь обещает вас убить - **ПОВЕРЬТЕ ИМ.** Не рассуждайте, как мы тогда, перед Холокостом, что это у них политика такая, а сами они хорошие и милые люди, что они это просто так говорят. Когда они перейдут от слов к делу **СТАНЕТ ПОЗДНО.** Верьте тем, кто обещает вас убить. И, если у вас есть силы, берите в руки оружие и убейте их первыми, чтобы защитить себя и свои семьи, если нет - хватайте детей, что можете взять и бегите оттуда, но только не рассуждайте о том, что говорят плохое, а думают хорошее."

ВАГОН - памятник

В Израильском городе Нетания в 2012 году был открыт Мемориал Победы в память о воинах Красной Армии, освободивших Землю от фашизма. Открытие этого мемориала прошло заслуженно торжественно и шумно. На нем присутствовали гости из других стран. И что особенно подчеркивали многочисленные публикации СМИ, - на открытие этого памятника приезжал Президент России Владимир Путин.

Спустя 2 года в этом городе произошло не менее важное событие: недалеко от знаменитого мемориала Победы, был установлен еще один памятник, тоже связанный с памятью о Второй Мировой войне. Памятник - вагон. Именно в таких теплушках «товарняках» в лихое безвременье перевозили в концлагери обречённых на смерть евреев, собранных из городов и местечек. **ВАГОН - памятник** шести миллионам евреев, погубленных в годы Второй Мировой войны. Важен факт, что это не просто товарный вагон тех времен, а именно тот самый, в котором действительно везли людей на смерть. Один из немногих, сохранившихся в Германии до наших дней. Он был обнаружен на свалке в городе Ахен на западе Германии. Так случилось, что Рони Дотан (по другим источникам - Рами Дотан) слышал от своего деда про эти вагоны. Дед Дотан в 30 годах прошлого века служил главным врачом больницы в Берлине. А в конце 30 годов уехал с семьей в Палестину. Позже именно от дедушки внук и узнал про эти исторические вагоны: оказывается, в одном вагоне за один раз перевозили не менее 160 узников. Около 1,5 миллиона приговоренных евреев было доставлено в этих вагонах в те годы в разные лагеря смерти.

Однажды уже в наше время внук ехал в Германию и в поезде познакомился с Татьяной. (Здесь мы опять вынуждены сообщить читателю о странном расхождении в разных источниках некоторых деталей этой истории: фамилию Татьяны озвучивают то как Роса, то - Руге) Они разговорились и Татьяна взялась помочь Дотану найти эти вагоны. У Дотана появилась мысль привезти в Израиль хотя бы один из этих вагонов - молчаливых, но убедительных свидетелей Холокоста. Получить разрешение на вывоз - это, хотя и не просто, но все же - не главное. Прежде всего, для осуществления задуманного нужны были деньги. Следовало искать спонсоров. Восемь раз Дотан ездил в Германию, чтобы урегулировать все необходимые вопросы по закупке вагона, по реставрации, по вывозу и доставке этой реликвии. Дотан писал письма, убеждал, просил... И лед тронулся. Стали поступать пожертвования. А самый большой вклад внесла Рахель Фридман, родители которой погибли в годы Холокоста. И наконец вагон привезли в Израиль. Он стоял в Ашдотском порту в ожидании своего часа. Муниципалитет Нетании во главе с мэром города Мирьям Файерберг-Икар обеспечил реализацию проекта на территории комплекса «Яд ле-Баним». 90 мотоциклистов Клуба Харлей Дэвидсон почетным эскортом сопровождали продвижение и доставку памятника - вагона на заранее подготовленное ему постоянное место в городе Нетания.

Послесловие.

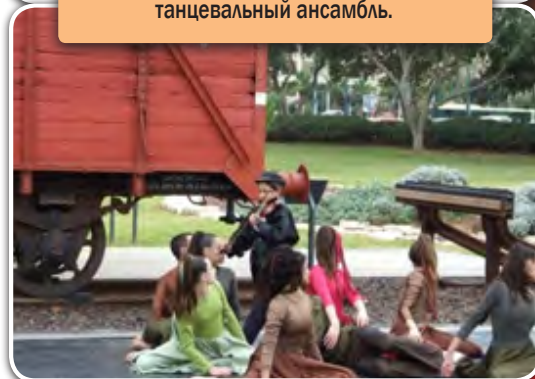
Однако, поразительный факт! Как оказалось, не многие израильские СМИ кинулись посвящать своих читателей в это событие. И, к сожалению, приходится признать тот факт, что не только за рубежом, не только во всем Израиле, но даже и в самом городе мало кто знает о значении этого молчаливого памятника - вагона. Ну, стоит себе вагончик и стоит. Мало ли всяких странных сооружений встречаются в Израиле! Хотя, если хорошенько поискать в поисковиках интернета, можно все-таки что-то узнать о нем. Что мы и сделали для вас, дорогие читатели.

Выражаем глубокую признательность Давиду Блому, который после тщательного расследования истории появления памятника сообщил в редакцию интересные достоверные подробности.

Людмила Барановская

У памятника выступает школьный хор и танцевальный ансамбль.

На фото - ученики нетанийской школы «Орт Гутман», принимавшие участие в поездке по местам Холокоста в Польше в октябре 2014 года. Когда открывали памятник, они рассказали о своих впечатлениях об увиденном. В конце мероприятия была прочитана молитва «Изкор» по жертвам Холокоста. Вспомнили и о жертвах проявлений антисемитизма в наши дни - о жертвах теракта в Париже, среди которых был отец одного из учеников нетанийской школы. Затем зажгли свечи и возложили венки. Так завершилось это отнюдь не самое веселое мероприятие. Но такова жизнь - у не помнящих прошлое - нет будущего...

«ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ НИКОГДА»

«Читаешь книгу и жалеешь, что ее не читают твои близкие и друзья. Хочется поделиться, хочется, чтобы кто-то еще узнал правду, которую узнала ты. И тогда невольно стараешься хотя бы чуть-чуть что-то рассказать или, может, выписать, показать это людям»

И. В. Горина так и сделала: выписала и прислала в наш журнал строчки из двух историй, которые её особенно поразили. Нас до глубины души тронуло это доверие. Женщина подарила журналу первый, самый искренний порыв души.

1. «Когда поезд остановился, то никто из нас не представлял, где мы оказались. Позднее мы узнали, где. Это был Штутгоф – место недалеко от Данцига на Балтийском побережье. Нацисты замаскировали концлагерь среди окружающей природы. Небольшой оркестр заключенных, одетый в полосатые робы, встречал нас музыкой на открытом пространстве между серой бетонной стеной и железнодорожной платформой. Лагерь был огромный. Из высоких труб поднимался в небо черный дым. Я решила, что это пекарни или какие-то другие фабрики, где работают люди. Я просто не знала о существовании крематориев»...

2. «**Солдаты, обходя дом за домом**, объявили, что все дети должны прийти в сквер со своими матерями. Ни у кого из взрослых не возникало сомнений, что это означает для детей смертный приговор. Некоторые матери пытались спрятать своих детей. Они отводили их в укромные места или пытались спрятать в нишах среди мебели, но всё было напрасно. Нацисты провели по всему гетто тщательные обыск и обнаружили всех детей. Матери уже ничем не могли помочь своим крошкам. Пойти вместе с детьми – это означало смерть и для матерей. А ведь у многих женщин были и еще дети, были престарелые родители, близкие, родные. Ситуация была невероятно страшная и бесчеловечная. А нацисты вели себя подчеркнуто жестоко. Если мать не желала расставаться с ребенком, то они насильно отбирали его. А если мать все же соглашалась отдать ребенка, то они, отправляли на смерть обоих»

3. «**В этот день увели из гетто десять тысяч человек**. Все они до единого были убиты за городом. И это было только начало кровавой бойни. А в самом гетто из-за невыносимых условий – голода, холода, рабского труда, болезней и отчаяния - умирали евреи, чудом избежавшие расстрела. Гетто уменьшалось на глазах. Фашисты планомерно ужали его площадь, безжалостно уничтожая детей и взрослых.»

ЖЕНЩИНА, ПРОДЛЕВАЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Несмотря на кратковременность нашей жизни, наивысшее благословение для человека – утверждение дел его рук: «Утверди нам, Господи, наших рук дела, творенье наших рук благослови» (Из псалма Давида.) Жизнь и дело Людмилы Барановской – несомненное подтверждение истины слов из псалма. Этого не возьмется оспорить даже самый воинственный атеист. Когда я открываю очередной номер журнала «Судьбы Холокоста» читаю, обращение главного редактора Барановской к читателю, теплое, полное жизни и уверенности в свое правое дело, я понимаю, что, действительно, Людмила живет ради своего любимого дела. Она не просто историк, сохраняющий людям память, она – человек, продлевающий жизнь, потому что без памяти жизнь перестает быть, теряет смысл существования.

Своим журналом «Судьбы Холокоста», сохраняя память о тех, кто погиб, Барановская продлевает ощущение присутствия тех, чье пребывание на земле, отнятое фашистами, оказалось кратким. Пропуская через свое сердце скорбные воспоминания тех, кому удалось выжить, она оживляет на страницах своего журнала «Судьбы Холокоста» страшные дни и годы, давая возможность людям наших дней услышать тех, кто безвременно ушел и тех, кто жив, кто помнит.

Сколько судеб! Сколько крови, боли, потерь, сколько убитых надежд и возможностей – столько шрамов в душе этой женщины. Ведь невозможно рассказывать о страданиях людей, не сострадая им. Но зато и сколько ликования, сколько счастья, когда можно закончить рассказ человека о прошедших хождениях по мукам словами: «Выжили! Победили!»

Для Людмилы Барановской – каждый выход в свет свежего журнала это праздник. Это еще одна победа. Для нее – это сегодняшнее счастливое продление жизни тех, кто не дождался, не посмотрелся на небо, на море, на звезды, на детей. Для тех, кто недолюбил.

Её журнал не только побуждает помнить о страданиях, он предвещает тем, кто замышляет новые злодеяния:

**ПАЛАЧА НЕ МИНУЕТ СУД:
ЕСТЬ СУД ЛЮДСКОЙ,
ЕСТЬ БОЖИЙ СУД,
ЕСТЬ ВРЕМЯ РАСПЛАТЫ
ЗА СОДЕЯННЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ
Несущего смерть - да не минет это.**

Зинаида Плетнева, Самарканд.

А если бы повиновались?

Даже оккупанты были поражены масштабами катастрофы, фотографируя разрушенный Днепрогэс с самолетов и позируя на его фоне.

Она вышла замуж за русского парня Кацапова Евгения. За год до войны у них родился сын Юра. А когда началась война, Шифра была беременна вторым ребенком. Это помешало семье вовремя эвакуироваться. 5 октября Шифра родила дочь Наташу. А 9-го она получила повестку из немецкой комендатуры о том, что ей, как всем евреям, следует немедленно явиться с детьми на сборочный пункт. В ночь с 9-го на 10 октября в Днепропетровске, где они жили, был осуществлен массовый расстрел евреев.

Но семья решила рискнуть и не подчиниться приказу. После получения повестки они немедленно ушли из города: отец, мать, годовалый сын и грудная, новорожденная девочка. С большими трудностями им удалось переправиться через Днепр. Дало в том, что отступая, советские войска взорвали плотину Днепрогэса и ширина Днепра к этому времени была около 2-х километров.

(Примечание: Долго от советских людей скрывали правду, сколько при этом наших мирных, не предупрежденных жителей, а так же воинских соединений, не успевших перебраться на другой берег при отступлении, погибло под нахлынувшим внезапно наводнением. И как выяснилось позже, жертвы оказались напрасными. Образовавшееся мелководье реки только облегчило переправу наступающей фашистской армии)

Семья добралась до своих.

Остановились в поселке Узел у родственников Евгения. Из-за доносов им пришлось несколько раз менять места. И, наконец, они нашли постоянный приют в поселке Ксеньевка. Там они дожили до освобождения Днепропетровска от фашистов в октябре 1943 года. Так один отчаянный шаг спас семью от гибели.

История Шифры Зиф.

DESTINY OF THE HOLOCAUST גורל השואה

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

- СУДЬБЫ
- МЕМОРИАЛЫ
- МЫ БОРОЛИСЬ
- ПРАВЕДНИКИ МИРА
- БИБЛИОТЕКА
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
- ПОИСК

**ПОДВИГ
ЦЕНОЙ
В ЖИЗНЬ**

Читайте на стр. 10

HOLOCAUST
MEMORIAL DAY

**ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН
МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ
ПАМЯТИ ЖЕРТВ
ХОЛОКОСТА**

цена: ₴35

9771565872007